

МАЛИК ДУРСУНОВ

ДЛИННАЯ ДОРОГА В РАЙ

Отрывок из романа

Малик Орудж оглу Дурсунов родился и вырос в Гахском районе Азербайджана. Закончил Харьковский юридический университет им. Ярослава Мудрого. Кандидат юридических наук. Основатель и директор юридической фирмы ООО «АМАЛ-МД».

Активный участник азербайджанского диаспорского движения в Украине, председатель общества «Объединенный Конгресс азербайджанцев в Харьковской области».

Автор романа «Кара-дайы», лауреат Национальной книжной премии Азербайджана за 2013 г.

– Сколько бы человек ни тосковал о бессмертии, конец неизбежен, и он не всегда ужасающий! – тверд и непреклонен зогаллинский мулла Байрам, когда призывает своих односельчан относиться к смерти, как к чему-то неминуемому. – Мы все рано или поздно выйдем на финишную прямую и помчимся туда, где вечный покой. Не стоит изводить себя собственной кончиной, ужасаться тому, что тебя больше не будет и всё кончится. Не стоит! Мысли о собственной смерти безжалостно разрушат ваш сон, вы будете кусать подушку, кричать, чуть ли не головой об стенку биться. Всё это лишнее, не поможет!

– А что тогда поможет? – хором спрашивают простые зогаллинцы, которые уж больно любят жить и до ужаса боятся смерти. – Тебе хорошо, – напоминают они мулле Байраму, – прогулял свою жизнь, как душа желала, только на старости лет бросил пить и ударился в религию, образумился. Тебе сейчас легко, а каково нам? А если мы только начинаем жить и еще не дозрели до твоего спокойного восприятия смерти?

Кара-дайы, между прочим, моментально отворачивается от муллы Байрама, когда тот в очередной раз заводит песню о финишной прямой. Как-то я у него спросил, где и у кого, по его мнению, позаимствовал наш мулла Байрам словосочетание «финишная прямая», и почему финиш зогаллинца должен пройти именно по прямой дороге? Неужели по пути нельзя сворачивать куда-нибудь?

Разговор наш состоялся, естественно, за очередным застольем. Мое рассуждение настолько понравилось Кара-дайы, что он тут же поддержал меня и развил мое предложение:

– Прямая дорога – самая близкая дорога к цели, запомни, сынок, – тутовка располагала к философской беседе. – Не стоит завершать свою жизнь, двигаясь по прямой дороге. Вообще никогда не стоит выходить на прямую дорогу. Прямая дорога – дорога спешки, дорога для тех, кто торопится жить. Я никогда не спешил жить, мне нравились и нравятся размеренные и неторопливые будни, когда можно посидеть до поздней ночи за обильным столом с людьми, которые мне по душе и которые не являются занудами. Прямая дорога, будь она проклята, для тех, кто спешить жить. Всевышний специально придумал такую дорогу для них, чтобы они быстрее завершали свои дела на этом свете и напрямиком направились в иной мир. Вот я, например, в войну был разведчиком, а разведке прямая дорога противопоказана. Выйдешь на

прямую, тебя сразу засекут. Поэтому и тебе советую: время сейчас хоть и мирное, но если есть возможность, если есть выбор дороги, никогда не выходи на прямую дорогу, петляй, уходи налево, уходи направо, ныряй в лес, в воду, пройди по полям, поднимись в горы, выпей холодной родниковой воды. Отдохни, посмотри с высоты гор на зеленые зогаллинские поля и на луга, на мирно пасущихся коров и овец. В конце концов, посмотри оттуда на крышу своего дома. Дыши прохладным чистым воздухом, получай наслаждение от жизни и живи. И спускайся по тем же тропам. Рано или поздно все эти тропы, тропинки и дорожки всё равно приведут туда же, куда и прямая дорога. Но ты выиграешь время, а время в человеческой жизни – самое ценное. Поэтому я тебе советую: никогда не спеши выходить на финишную прямую, пусть мулла Байрам сам марширует по прямой к своему финишу!

– Договорились, – согласился я и порадовался, что снова сижу за одним столом с Кара-дайы. После нашей с ним встречи прошло около года. За год я истосковался по нему, по разговорам с ним, по его неисчерпаемой жизненной философии. Истосковался я по его гостеприимному дому, по хлебосольному богатому столу. По тому, как он медленно спускается в подвал и неспеша поднимается оттуда с налитой в бутылку из-под минеральной воды тутовкой. Как же мне в жизни повезло родиться его племянником!

Как бы долго ни длилось ожидание, Кара-дайы принес бутылку и поставил в центр стола, я тут же разлил тутовку по стопкам.

– Пусть мулла Байрам сам марширует по прямой к своему финишу, – Кара-дайы еще раз повторил последние свои слова.

– Вот именно, – поддержал я его в ожидании интересного рассказа.

Моя поддержка оказалась очень даже кстати, и Кара-дайы тут же приободрился:

– А то что получается? – начал он. – Как-то, не помню, на чьей свадьбе, этот наш Байрам отвел меня сторону: «Можно вас на минутку, Кара-дайы?» – спросил он.

– Хоть на две, – ответил я ему, – почему бы и нет.

Отошли в сторону, а народ на нас смотрит.

– Я давно хотел поговорить с вами, никак не решался, – начал мямлить Байрам.

– Давай уж, не томи, – ответил я ему. – Говори!

– Может, хватит вам пить водку, Кара-дайы, может, пора завязать, а? Возраст-то у вас, Кара-дайы, уже слава Аллаху! Намаз ежедневный не совершаете, орудж не соблюдаете, хоть пить перестаньте. А там ведь, на том свете, за всё придется отвечать. Знайте, Кара-дайы, там каждый за себя отвечает...

Ох, и разозлил он меня тогда:

– Послушай, Байрам, – ответил я ему, – откуда ты всё это знаешь? Ты больше всех пил в этой деревне и за пять лет, что не пьешь, хочешь сказать, что ты стал знатоком религиозных дел? Это раз. А во-вторых, когда я начал пить, ты еще даже не ползал. И не тебе меня учить, что мне соблюдать и когда мне с чем завязывать. Фашистам в войне ответил, и там отвечу!

– Мое дело предупредить, а там смотрите сами, – пробурчал он под нос и ушел.

– Ни стыда, ни совести. Правда, покраснел, когда я ему напомнил, как он сам пил.

Наступила тишина. Я чувствовал, что Кара-дайы хотя и старается этого не показывать, но он определенно переживает из-за столь резкого ответа мулле Байраму.

– Ну, как я ему? – в подтверждение моей догадки Кара-дайы поинтересовался моим мнением – правильно ли он «врезал» мулле Байраму.

– Тоже мне, знаток, – я, естественно, был на стороне Кара-дайы, поэтому ментально поддержал его, чтобы успокоить, а на самом деле подливая масла в огонь. – Сам всю жизнь пил, видите ли, образумился сейчас, с советами лезет, – в ожидании интересной беседы я без промедления наполнил стопки.

Вопросы жизни и смерти волнуют зогаллинцев с самого детства. При этом мои зогаллинцы народ особый, они любят жить, гулять, радоваться, а вот помирать особо не спешат. Поэтому живут они долго, не торопятся выходить на «финишную прямую», как бы рьяно туда их ни приглашал мулла Байрам.

Еще любят зогаллинцы старое вспоминать, это для них благое дело. Только сядешь рядом с почтенным зогаллинцем, только спросишь у него о житье-бытье, так у того буквально через минуты появляется непреодолимая потребность вспоминать лучшие времена прожитого им советского прошлого. К воспоминаниям предрасполагают не только сегодняшние условия их жизни, но и, видимо, осознание безвозвратно ушедших и потерянных ими молодых лет и тоска по ним.

– Так хорошо жилось, – тоскуя по восьмидесятым годам прошлого века, вспоминает тот же Кара-дайы сегодня, – временами я даже думал, неужели наступил тот самый коммунизм, о котором вещали по радио и телевизору, писали в журналах и газетах? – говорит старик. – Я ведь всякое видел в своей жизни и мне было с чем сравнивать: тяжелое детство, полуголодные довоенные годы. Потом была война, будь она проклята, сколько молодых жизней унесла, сколько мучений, горя и разрушения принесла. А как тяжело было после войны. Но народ выстоял, постепенно выпрямились согнувшиеся спины зогаллинцев. И наступила такая благодать. Но я будто чувствовал, что ненадолго всё это, не сегодня, так завтра, пусть даже через год случится такое, настанет такой день, чьи-то грязные руки заберут у нас этот достаток, разрушительным селевым потоком смоем наше благополучие. Ничто не предвещало беды.

Задумывается Кара-дайы, но тутовка собственного домашнего приготовления освежает его память, обостряет воспоминания:

– Что бы ни говорили, что бы ни писали, не может простой человек хорошо жить и всё! Простой человек, сынок, рожден для лишений! Запомни мои слова! Ему противопоказана благодать, – вдруг решительно заключает Кара-дайы. Поди поспори со стариком. Я молчу, кивком головы соглашаюсь с ним.

– Даже если я и предполагал, – продолжает Кара-дайы, – что хорошие дни быстро растворятся, исчезнут, как прошлогодний снег в моем фундуковом саду, разве я мог остановить развитие истории?

Какой же великолепный напиток все-таки тутовка! Буквально через две-три стопки Кара-дайы начал «созерцать» свое место в истории.

– Были моменты, – продолжает Кара-дайы, сожалея о том, что не смог остановить неблагодарное развитие истории в отдельно взятой деревне, хотя, как оказывается, пытался как-то предупредить своих земляков о возможных негативных последствиях. – Я хотел поторопить своих земляков, чтобы те насытились красивой жизнью, наслаждались ею. Заодно я хотел предупредить их, что скоро вновь наступят тяжелые времена.

Но почему-то Кара-дайы, по его же собственному признанию, потом быстро передумал и не стал оповещать об этом своих земляков. То ли ему помешали частые застолья, устраиваемые в те годы зогаллинцами, в которых он принимал активное участие, то ли он сам не был окончательно уверен о возможном наступлении тяжелых времен. Сегодня Кара-дайы этого не уточняет, но в оправдание добавляет:

– Со мной такое иногда случается: Всевышний на какое-то короткое время наделяет меня особыми способностями. Я вижу и чувствую, каким будет завтрашний день, послезавтрашний день. Вижу плохие последствия, а вот действовать боюсь, предупреждать опасуюсь. Не проходит и дня, случается то, что я мог предотвратить или хотя бы об этом предупредить.

Впервые слышу об этом сверхъестественном даровании Кара-дайы, подаренном ему высшими силами и никогда им не использованном на практике.

Зогаллинцы тем временем жили в свое удовольствие, даже не предполагая, что все хорошее пройдет быстро и незамеченно. Поэтому, по словам Кара-дайы, они не успели сполна «полакомиться» сладостью тех лет.

– Жили, оказывается, мы в коммунизме, сами того не ведая. Не оценили мы те года, – даже в наши дни с тоской вспоминают многие зогаллинские старики, считая в том числе и себя виноватыми в том, что так быстро и безвозвратно ушли те времена.

По правде говоря, не оценили бы зогаллинцы те года никогда, если бы их даже сто раз в день предупреждал тогда Кара-дайы о грядущем тяжелом времени. Больно уж безалаберный народ наши зогаллинцы.

В итоге получилось так, как и предполагал Кара-дайы, но об этом, конечно, он вслух не говорил. По-иному и не могло быть, учитывая дальновидность, жизненный опыт и мудрость аксакала.

Конец восьмидесятых и девяностые годы прошлого столетия принесли столько бед моему народу, столько горя навалилось на головы невинных людей, что и сегодня, когда вспоминаешь об этом, становится горько. Хочется посидеть где-нибудь на дальнем дворе Кара-дайы (что мы сейчас и делаем), желательно вдвоем, пить с ним горькую, слушать и слушать старика, и если даст он тебе слово, самому тоже высказаться о тех годах. Наступило смутное время, наступило оно как-то неожиданно, многим тогда казалось, что оно никогда не закончится.

Развал старой системы сопровождался отсутствием новой власти, появившиеся бытовые трудности стали угнетать привыкших к достойной жизни зогаллинцев. Жизнь разрушалась на глазах, давили безработица и отсутствие денег, не видно было никакой перспективы. Ко всем бедам добавились бытовые проблемы, тяжелее всего зогаллинцы переносили частое отключение электричества, а то и его отсутствие неделями в домах. Свет из жизни зогаллинцев исчез вместе с деньгами в их карманах. Днями зогаллинцы сидели в темноте, длинные зимние вечера семьи коротали вокруг единственной керосиновой лампы, чудом сохранившейся от дедушек и бабушек. И даже если вдруг появлялся на час-другой свет в домах, напряжение в сети было настолько слабым, что бытовые приборы «не тянули» и становились негодными. Многие телевизоры и холодильники перегорели от резких перепадов и скачков напряжения в сети.

Люди перестали ходить друг к другу в гости, из-за материального стеснения на редкие свадьбы тех лет хозяева стали приглашать только самих близких родственников. Молодые парни массово уходили на войну, будто шли не воевать, а кино смотреть, оставив дома заплаканных родителей, любимых жен, девушек, братьев и сестер. Стали привозить в Зогаллы погибших его сыновей. Женщины облачились в черное. Мужчины в знак траура перестали бриться. Бороды, одни длиннее других, накрыли некогда чистые и светлые лица зогаллинских мужчин.

Каких только приключений не случалось с зогаллинцами в те годы, одному Аллаху известно. Но самые запоминающиеся истории, которые сегодня зогаллинцы не без иронии и стыда вспоминают, связаны с проделками дьявола или, говоря зогаллинским языком, с проделками шайтана. В те темные годы все неурядицы, грязные поступки, даже случившееся однажды преступление зогаллинцы стали списывать на проделки шайтана, будь он трижды проклят! Сколько это безобразие еще длилось бы, кто его знает, не будь решительного протеста простого зогаллинца, имя которого назовем позже, не согласившегося с кражей трех мешков фундука, когда земляки хотели и этот факт связать с проделками шайтана.

– При чем тут шайтан? – уперся хозяин трех мешков золотистого фундука.

И оказался прав, так как милиция быстро вычислила вора, освободив от очередного поклепа шайтана, на которого зогаллинцы уже успели повесить массу собственных грехов.

– Три мешка золотистого фундука, ночью украденного у простого зогаллинца, спасли всю деревню от невиданного позора, к которому тогда нас толкал шайтан. А первым, между прочим, в Зогаллы шайтан охмурил меня! – так сегодня объясняет свою ошибку Кара-дайы и признается, что именно он первым начал поддаваться уловкам шайтана в Зогаллы. – Как говорит в наши дни мулла Байрам, прямой дорогой мы катились тогда к катастрофе.

***

Но давайте всё по порядку и с самого начала...

Да простит меня Всевышний, признаюсь и раскаиваюсь: сегодня я грешен! Когда-то я дал слово Кара-дайы, что никогда не буду писать о его злоключениях с шайтаном. Этот проклятый шайтан в те годы долго терроризировал моего старика и чуть было не сбил его тогда с истинного пути. Когда Кара-дайы рассказывал мне эту историю, чувствовалось, что ему определено неудобно, временами даже стыдно за свое поведение в те годы. Чтобы успокоить его, я дал слово Кара-дайы никогда не вспоминать темных страниц зогаллинской жизни, не ворошить старого. Но время на месте не стоит, казавшееся некогда темным по истечении определенного периода становится забавным и интересным. Именно это и подтолкнуло меня к тому, чтобы описать те события без разрешения аксакала.

Как бы я себя ни оправдывал, всё равно чувствую, что грешен. С другой стороны, я же не праведник, имею право не соблюдать писаные и неписаные постулаты. А Кара-дайы, тем более, дважды не праведник. О том, что рай нам с ним не светит после земной жизни, я догадываюсь. И если уж суждено мне гореть в аду за свои прегрешения, то, пусть Кара-дайы не обижается, гореть будем, скорее всего, вместе с ним. Так что напишу я эту историю – одним грехом больше, одним меньше. А может, где-то и зачтется, кто его знает.

***

Вернемся к тому шайтану. По словам Кара-дайы, в те годы в Зогаллы орудовал один единственный шайтан, переходя от одного дома к другому, от одного зогаллинца к другому. Естественно, имел дело этот шайтан и с Кара-дайы тоже. Оказывается, именно к нему этот шайтан имел особую ненависть, а иногда даже и зависть, хотел свести старика с истинного пути. Сегодня ни для кого не секрет, что временами этот шайтан, бывало, и сбивал Кара-дайы с истинного пути, а если быть точным, первым его и сбил. Охмуренный шайтаном Кара-дайы, будучи авторитетным аксакалом, вначале смог убедить земляков в списании всего случившегося в деревне на проделки шайтана. Собственная оболваненность шайтаном им была преподнесена как нечто неотвратимое в бытовой и хозяйственной жизни земляков. Но, как утверждает Кара-дайы, с ним это случалось всего несколько раз и совсем ненадолго, три или четыре месяца, хотя преследовал шайтан его довольно долго. А после раскрытия преступления, связанного с кражей трех мешков фундука, Кара-дайы признал свою ошибку и быстро, только ему известным способом, вышел из-под влияния шайтана.

Шайтан был настырным, упертым, как буйвол, и, встретив сопротивление, стал наступать без передышки. Но, по словам Кара-дайы, увидев бесполезность своих действий, в конце концов шайтан отстал от него и, видимо, перешел к другим, скорее, к мугалам¹. Потому как, оказывается, по словам того же Кара-дайы, шайтан никогда без дела не сидит, он постоянно в поисках слабовольных людей. Но с Кара-дайы его про-

¹Мугалы – условное название жителей соседних деревень, литературный приём автора. Зогаллинцы и Мугалы – азербайджанцы, по укладу жизни и по быту немного отличающиеся друг от друга, и на этой почве вечно имеющие друг другу претензии – классическое соперничество соседних деревень в Азербайджане. (Ред.)

делки в итоге оказались безуспешными. Кара-дайы, как он сегодня утверждает, изгнал шайтана не только со своего двора и дома, но и со всей территории Зогаллы, потому как решительность его действий и неординарность его приемов по изгнанию злого шайтана были настолько неожиданными для последнего, что тот плюнул на всё и покинул пределы Зогаллы.

– Так и плюнул, – не удержался я на этом месте разговора и посмеялся. – Куда же он плюнул, если не секрет?

– А ты как думал? – обиделся Кара-дайы. – После того позора и издевательств над ним с моей стороны, уважающий себя шайтан только так бы ушел! А плюнул он в скотном дворе, когда покидал двор, рядом с хлевом коровы.

Шайтана, который в те годы преследовал его, Кара-дайы будто даже знал. Знал, естественно, не в лицо, а по устраиваемым им западням и ловушкам на его пути, по той беспощадной войне, которую вел шайтан против Кара-дайы, и по тому, как этот шайтан неотступно следил за ним. Но был ли уважающим себя тот шайтан или он был неуважающим себя, никто сегодня не скажет. Точно так же сегодня в Зогаллы никто не знает, плюнул ли этот шайтан, когда он покидал двор Кара-дайы, или ушел, не плюнувши. Приходится верить Кара-дайы, который утверждает, что именно так и было. Тем более, что недавно Кара-дайы после изрядного количества выпитого со мной хвастался, что в последний раз он так мастерски унизил шайтана и с таким позором изгнал его, что такой уход обязательно сопровождался бы сочным предварительным плевком.

Правдивость утверждений Кара-дайы о шайтанском плевке в Зогаллы никто не оспаривает, а с другой стороны, никто и не подтверждает. Средний зогаллинец очень мало осведомлен о жидкостях и испражнениях, выделяемых животными, к которым с подсказки Кара-дайы отнесли и шайтана. Не каждый зогаллинец в состоянии отличить круглые овечьи шарики от козьих, не говоря о шайтанском плевке. Так что, может, этот шайтан на самом деле и плюнул перед уходом во дворе Кара-дайы, но поди, отличи его плевков от слюны той же коровы.

Как бы там ни было, сегодня зогаллинцы полностью свободны от шайтанского влияния, за что, конечно же, они должны быть благодарны Кара-дайы. Но о том, что именно с его подачи в одно время в Зогаллы разгуливал злой дьявол, Кара-дайы предпочитает молчать.

Как-то в очередную нашу встречу я очень уж дотошно интересовался его злоключениями с шайтаном, моя настырность насторожила Кара-дайы, он грозно посмотрел на меня и предупредил:

– Об этом не стоит писать. Изгнать-то изгнали мы его, а если он вернется? – возпросительно посмотрел Кара-дайы на меня.

– Вернется – опять получит по голове, – ответил я, тем самым желая показать, что я всецело верю не только в его метод изгнания шайтана, но и в бессилие шайтана в схватке с ним.

Кара-дайы понравился мой ответ, однако он твердил свое:

– А если, скажем, вернется он после, не дай Аллах, моей неожиданной смерти? Мы все смертны, может ведь такое случиться. Что тогда?

– Значит, кому-то надо передать свои знания, – сказал я, в принципе допуская, что Кара-дайы и вправду может умереть, возможно, даже неожиданной смертью.

На этот раз мой ответ ему не понравился, он потемнел, как мне показалось, хотя куда уже темнее.

– Ага, легко сказать – передать. А если я не хочу пока передавать, а если я хочу еще пожить немножко!

– Вас не поймешь, Кара-дайы, – рассмеялся я. – По мне, живите хоть сто лет.

– Сто не сто, но не насытился я этой жизнью, понимаешь? – в глазах Кара-дайы появился свет.

– Понимаю, – утвердительно закивал я, как бы соглашаясь, что ему действительно пока рано уходить.

– Ну хорошо, возьмем всё-таки ситуацию, что умер я, не успел передать секреты изгнания шайтана, а он, как только узнал об этом, вернулся в Зогаллы. И опять начал терроризировать зогаллинцев. И что получится? – спросил у меня Кара-дайы.

– Что получится? – вернул я ему его же вопрос.

– А получится вот что... – начал Кара-дайы и задумался в поисках лучшего объяснения. – Он будет терроризировать людей, а люди будут проклинать меня, имея в виду, что я ушел и не объяснил людям, как избавляться от этой черной напасти.

– Могут и проклинать, наши такие, – согласился я.

– Я знаю наших лучше тебя. Нет, я так не хочу, я хочу, чтоб после меня люди при упоминании моего имени посылали мне «рахмат» и вспоминали меня добрым словом. Говорили, что вот, наш Кара-дайы и фашистов погнал во время войны до Дрездена, а в мирное время изгнал злого шайтана, который, поселившись в душах зогаллинцев, мог натворить столько бед, не дай Аллах!

К слову, если для всего мира конец войны ассоциируется со взятием Берлина, то у Кара-дайы свой конец войны – это освобождение Дрездена. Об этом я давно знаю и в таких случаях безоговорочно соглашаюсь с ним.

– Тут вы, конечно, правы, – сказал я, – не каждому это под силу. В войну, скажем, вы были молодым, а сейчас? Изгнать в вашем возрасте шайтана не каждый сможет, – я хотел как бы поддержать его, но, видимо, вышло не очень удачно. Ему это не понравилось:

– А какой у меня возраст? И при чем тут возраст? Со злом надо бороться в любом возрасте. Запомни! – постучал кулаком об стол Кара-дайы.

«Началось», – подумал я, но утвердительно кивнул:

– Запомню.

– Ну, вот и хорошо. Что касается возраста. На старости лет, между прочим, легче даже бороться. В старости, например, ты не боишься, что можешь пасть жертвой! Не боишься, потому что жизнь прожита достаточно длинная, если и помрешь в этой борьбе, не жалко будет уходить. Я вообще считаю – на войну надо посылать людей преклонного возраста, стариков в первую очередь. Если уж кому суждено погибать, пусть они первыми уходят, нечего молодых гробить, посылая их на войну.

Мы тогда пили вино, я понимал, что если уж Кара-дайы начал разговор о войне, то мы скоро, забыв шайтана, вернемся к немцам и мне придется выслушать очередную героическую страничку его военной жизни, которую, скорее всего, до этого слышал. Поэтому я постарался вернуть его к началу нашего разговора, к шайтану:

– Может, на самом деле, Кара-дайы, пока вы живы и здоровы, стоит кому-то из близких передать секреты профессии? Раскрыть тонкости вашего метода изгнания шайтана? – пошутил я.

– А ты чужой, получается, да? Я же тебе рассказал.

– Я могу и не быть в Зогаллы, не дай Аллах, когда он вернется. Это раз. Во-вторых, как я понял, за день или даже за неделю с ним не справиться. Это два. Тут надо постоянно проживать в Зогаллы. Согласитесь, Кара-дайы, я не лучший вариант, хотя я кое-что уже и знаю о вашем методе. Если вы сами не хотите, я могу по своему выбору кому-то из нашего рода, доверенному человеку, рассказать, – посмотрел я на него в ожидании разрешения.

– Нет! – резко перебил он меня. – Ты пока молчи, никому ни слова! И не стоит об этом писать!

– Как скажете, – быстро посправился я. – Я имел в виду кого-то из тех, кто в Зогаллы постоянно проживает...

– Может, я как-нибудь старшему внуку расскажу, но пока рано. Я еще жить хочу, умирать рано! Вот тебе рассказал, знаю, что никому не передашь наш разговор.

Плохо, видимо, Кара-дайы знал меня, раз я взялся писать об этом. С другой стороны, может, именно тот самый шайтан, которого когда-то с позором изгнал Кара-дайы, каким-то образом подобрался ко мне и сегодня подталкивает меня к написанию этой истории... Кто его знает?

Как учила нас в детстве наша покойная бабушка, да будет ее место в раю, при любом упоминании шайтана сразу вслух надо произносить «бисмиллах», означаящее, что ты взял инициативу в свои руки и тем самым обессилил шайтана. При написании этой повести я столько раз произносил «бисмиллах», что если бабушкины предостережения были правдивыми, то шайтан, о котором идет речь в этой повести, лежит наверняка в какой-то грязной канаве за пределами Зогаллы на мугальской территории и только и делает, что просит меня, чтобы я остановился. А я не собираюсь останавливаться, пусть его искушают мугальские комары, пусть там сгниет эта нечистая сила.

«Бисмиллах»!

***

Опасность навлечь на себя гнев хранителей народных зогаллинских традиций заставляет меня каждый раз оглядываться назад, прежде чем вслух произнести то, на что, возможно, другие решаются без оглядки.

Я отчетливо понимаю, что мне было бы гораздо проще не трогать тему, на которую в Зогаллы негласно наложен запрет, или, как любит выражаться в таких случаях Кара-дайы, «не щипать за усы стариков». С другой стороны, мое молчание явилось бы показателем полного безразличия к происходящему, чего я не могу себе позволить. Тем более, что мое любопытство с детства было сильнее боязни гнева, поэтому я бесстрашно оборачиваюсь назад – и вижу следящих за каждым моим движением зогаллинских аксакалов, нервно теребящих седые бороды и предостерегающе качающих головами:

– Только попробуй! – предупреждает один старик.

– Не смей! – вторит ему другой.

– Получишь! – читаю в глазах у третьего.

С виду все такие ухоженные, порядочные, убеленные сединой, глядишь на их головы – будто ранней весной на вершины гор смотришь. Самое главное, все они считают себя мудрыми.

Тот же Кара-дайы любит учить молодых:

– Общество, где молодое поколение отказывается от мудрости аксакалов, неизбежно деградирует, – говорит он так официально, будто по телевизору выступает. – Молодое поколение обязано прислушиваться к советам стариков, – тут же добавляет он.

Не принимаются никакие возражения:

– В обществе, где молодое поколение отвергает мудрость аксакалов, мугализация неизбежна! – ставит он жирную точку в этом вопросе, и после таких предупреждений основная часть зогаллинской молодежи на время настораживается, становится послушной. Для них нет большего унижения, чем угроза возможной мугализации.

Той части зогаллинской молодежи, которая иногда позволяет себе не соглашаться, не найдя других аргументов убеждения, Кара-дайы говорит:

– Вот пройдете жизненный путь по наше, тогда всё поймете.

Прославленное веками в азербайджанском народе уважение к аксакалам, к их мудрости, в Зогаллы и сегодня имеет место быть. Но если у местного населения иные поступки седоволосых зогаллинских стариков вызывают недоумение, временами даже гнев, то у мугалов они вызывают естественную насмешку.

У того же Кара-дайы, который был и остается для меня самой светлой головой в Зогаллы, не все поступки в последние годы получались мудрыми, и это – мягко говоря. Кроме как позорным, начало его знакомства с шайтаном не назовешь. История эта потом долго будоражила зогаллинцев. Злой шайтан в одно время, по утверждению Кара-дайы, якобы плотно сидел в душах зогаллинцев, и именно он заставлял их совершать много подлых поступков.

Для меня по сей день остается большой загадкой, как Кара-дайы, будучи да-леким от верований человеком, пришел к такому выводу, и кто его надоумил на это. Увлечшись, кому только Кара-дайы на старости лет не рассказывал о проделках шайтана. С его легкой руки в одно время зогаллинцы все свои неудачи и черные дела стали списывать на шайтанские проделки. Как объяснял Кара-дайы своим землякам, шайтан, пользуясь добродушием зогаллинцев, часто вводил их в заблуждение. А этого шайтан добивался через сомнения, которыми якобы поражал сердца зогаллинцев.

Утверждение Кара-дайы о том, что якобы все человеческие поступки есть продукт управления и обмана людей шайтанами, зогаллинцы подхватили быстро. Как же не верить, если сам Кара-дайы в ту осень свои ошибки тоже стал списывать на шайтана? Какие только поступки не списывались в Зогаллы на злого шайтана в течение трех осенних месяцев!

На свадьбе сына Алимардана пьяный молодой сосед Ильдырым ударил ножом самого жениха, сына Алимардана! Невиданный был случай даже по меркам Зогаллы. Ильдырым, всегда спокойный и рассудительный парень, на следующий день, придя в себя, клялся и божился, что даже не помнит, как всё это произошло.

– Разве я мог ударить ножом человека, с которым я вырос, вместе с ним ходил в школу, учился в одном классе, потом еще мирно соседствовал? – спрашивал он у стариков.

– Действительно, – призадумались зогаллинские аксакалы, – с какой стати он должен был ударить жениха, если он на него зла не держал и не имел к нему претензий?

Нерешительность аксакалов была на руку Ильдырыму:

– Как я мог ударить, как? – еще настойчивее спрашивал он у аксакалов. – Вы мне ответите или нет?

У аксакалов не было прямого ответа:

– Если у Ильдырыма не было повода для нанесения удара ножом в жениха, если не было умысла в действиях Ильдырыма, значит, всё это дело не его рук, значит, какие-то другие силы управляли им, – решили в итоге зогаллинские старики и предложили мирно загладить дело, не доводя его до милиции. Тем более, что старики тут же вспомнили предостережения Кара-дайы о засевшем в Зогаллы шайтане, о его злых намерениях. Одним словом, поступок пьяного молодого соседа Алимардана старики списали на проделки шайтана, правда, при этом предупредив Ильдырыма, чтобы тот впредь сильно не напивался на свадьбах. Якобы, шайтан в нем нащупал слабое место и впредь еще не раз будет пытаться заставить его совершать ненужные поступки.

На проделки шайтана списали и отстрел охотником Эйвазом двух дворовых собак, залаявших на него, когда он ранним утром возвращался с охоты без добычи.

– Нормальный охотник никогда не застрелит собаку! – категорично вынесли вердикт аксакалы. – Не иначе, как шайтан продолжает мутить рассудок зогаллинцев.

Всей деревней помогли погасить недостачу в деревенском магазине, обнаруженную при внезапной ревизии работниками райпо. Заведующий магазина Мирали, который на глазах зогаллинцев прокутил государственные деньги, позже списав это на проделки шайтана, умудрился заработать даже на недостаче. Он в два раза высил недостачу, а добродушные земляки собрали указанную им сумму.

Еще много мелких и не очень мелких поступков в ту осень было списано на шайтана. Неизвестно, сколько продолжались бы подобные безобразия, если бы среди зогаллинцев не нашелся человек, который отказался верить в проделки шайтана. Им оказался простой зогаллинец Анвар, в прошлом скотник колхоза. Поздней осенью, ночью, у него с веранды дома украли три мешка золотистого фундука. Рано утром, обнаружив пропажу, он не стал созывать сбор аксакалов, а первым же автобусом съездил в Гах и написал заявление в милицию. Мало того, он указал и на подозреваемого, а именно – на своего соседа Карима, имевшего к тому времени две судимости за кражи. Милиция сработала оперативно и через час на чердаке скотного сарая Карима нашла украденные мешки, хотя те были умело спрятаны под сеном. Карим, естественно, тоже пытался списать ночную кражу на шайтана. Будто не он таскал ночью мешки и не он их прятал на чердаке под сеном. Анвар и слышать не хотел об этом, требовал наказания. Аксакалы тоже задумались: если бы Карим украл один мешок, рассуждали они, еще можно было бы говорить о проделках шайтана. А тут сразу три мешка, два желтых и один белый – вся зимняя заготовка бедного Анвара. Как бы там ни было, после небольшого совещания аксакалы на этот раз отказались от общественной защиты Карима и разошлись. Милиция тем более слышать не хотела о каком-то шайтане, якобы совратившем Карима. В присутствии соседей они стали возвращать мешки с фундуком их законному владельцу, а Карима забрали с собой в отделение. Кстати, милиционеры вернули Анвару все три мешка украденного у него фундука, но один желтый мешок в процессе переноса каким-то образом выскользнул из твердых рук хозяина и с подсазки угрюмого «шайтана в погонах» оказался в машине милиционеров. Анвару, можно сказать, еще повезло. Если бы милиция забрала мешки с фундуком как вещественное доказательство в Гах, он однозначно лишился бы их полностью. Потому как, по утверждению тех же аксакалов, еще ни одна вещь, вывезенная из Зогаллы в районное отделение милиции, а позже и полиции как вещественное доказательство, назад не вернулась.

Позже, когда суд определил Кариму наказание в три года лишения свободы, мнения разделились, многие зогаллинцы сочли его несправедливым. Они почему-то решили, что срок наказания судом определен, исходя из количества украденных мешков – якобы каждый украденный мешок тянул на один год отсидки. По их мнению, если за каждый украденный мешок положен год тюрьмы, несправедливо при этом приравнивать желтые мешки к белым. Желтые мешки, как известно, в объеме в полтора раза превосходят белые. Поэтому расчеты дотошных зогаллинцев расходились с решением суда. Если за основание брался белый мешок, тогда получалось, что суд еще пощадил Карима, скостив из наказания целый год. Но если брался в расчет желтый мешок, получалось, что Кариму предстояло отсидеть лишних полгода.

С решением суда в Гахе пошатнулись позиции сторонников шайтана в Зогаллы. Пошатнулся и авторитет Кара-дайы, как аксакала и автора гипотезы о влиянии шайтана на поступки его земляков. С того дня сам Кара-дайы тоже перестал прислушиваться к указаниям шайтана и начал борьбу с ним.

Историю преследования его шайтаном и позже историю его изгнания Кара-дайы рассказал мне, по традиции, во время нашей очередной посиделки. Хотя Кара-дайы тогда был навеселе, история мне показалась очень занимательной, поэтому в дальнейших наших беседах я часто интересовался у него, как обстоят дела с шайтаном.

***

Кара-дайы всегда преследовал один-единственный шайтан.

– Он был всегда один, это уж я точно помню, – сегодня с некоторой настороженностью рассказывает Кара-дайы, боясь, видимо, его возвращения.

Кара-дайы даже помнил день, когда этот самый шайтан начал его преследовать. Оказывается, преследования начались в день гибели любимого петуха Кара-дайы, которого он называл в честь своего боевого командира Кузнецовым.

В тот день, по словам Кара-дайы, с самого утра он чувствовал себя неважно. Утром под старой айвой он обнаружил мертвую молодую курицу. Несколько лет назад Кара-дайы на ветках айвы оборудовал шесты, на которых летом ночевали его птицы. Смерть курицы озадачила Кара-дайы, так как ничем его птицы не болели. В поисках причины гибели курицы он целый час бродил по двору, пока не заметил, что его любимый петух Кузнецов слегка прихрамывает на левую ногу. Как матерый разведчик, Кара-дайы тут же определил причинно-следственную связь между гибелью курицы и прихрамыванием петуха. «Курица погибла по той причине, что уснувший в ночное время Кузнецов (после тяжелой дневной службы) сорвался с верхнего шеста и убил курицу своей тяжестью, потому как она сидела на нижнем шесте», – решил Кара-дайы, стараясь успокоить себя. «Хорошо хоть, Кузнецов остался цел, хотя и получил травму», – для себя он находил утешение в этом, но ему почему-то легче не становилось. С одной стороны, он жалел нелепо погибшую курицу, с другой стороны, семья Кара-дайы лишилась целого обеда, если подумать о прямом дальнейшем предназначении погибшей курицы, если бы она была жива.

Поэтому с утра Кара-дайы ходил по двору без настроения. Кара-дайы решил достойно предать землю погибшую курицу, чтобы ее, уже мертвую, не разодрали собаки. Взяв лопату, он в фундуковом саду закопал ее, тем самым желая как-то отвлечь себя. Как потом он мне рассказывал, даже после захоронения курицы у него было такое ощущение, что с её гибелью сегодняшние неприятности не закончатся. «Это еще не всё, это только начало, – будто кто-то ему подсказывал. – Жди, сегодня обязательно случится!» И ему ничего не оставалось, как ходить по двору и ждать – что именно случится?

Еще с вечера жена Кара-дайы готовилась утром съездить в гости к старшей дочери, которая жила с родителями мужа, навестить ее больного свекра. Свекор, оказывается, два дня назад упал с коня и вывихнул ногу. Не проведать больного родственника в Зогаллы считается признаком недостаточного сочувствия. Как бы там ни было, сколько жена ни уговаривала Кара-дайы ехать вместе с ней, тот не согласился, объясняя это тем, что дом и хозяйство нельзя оставлять без присмотра.

– Езжай ты завтра, проведай, а я как-нибудь на днях съезжу и навещу, – уговаривал-таки он жену, и она нехотя согласилась. – Тоже мне, болезнь, упал да ногу вывихнул, главное, конь жив-здоров, – посмеялся еще Кара-дайы.

С утра жена Кара-дайы уехала к дочери, забыв при выходе со двора закрыть железную калитку. Тем и воспользовался Кузнецов, и через час его не стало.

Смерть Кузнецова получилась нелепой: выйдя на улицу, прихрамывая, он не смог определить приближающуюся опасность в лице трактора, управляемого Сулейманом, и не уступил ему дорогу. А Сулейман, как он позже оправдывался, до последнего надеялся, что Кузнецов спрыгнет с дороги, поэтому не стал сбавлять скорость своего железного коня. В итоге трактор остановился лишь после того, как переехал голову беспечного петуха.

Когда Сулейман с раздавленным Кузнецовым вошел во двор Кара-дайы, тот копошился на скотном дворе. Когда Кара-дайы увидел истекающего кровью любимого петуха в руках Сулеймана, ему стало как-то не по себе. Сулейман виновато улыбался и только через две минуты тихо сказал:

– Вы уж извините, Кара-дайы, видно, вашему петуху столько было написано жизни, – хотел пошутить Сулейман. – Голову отрезал я, пока он еще теплый был. Не пропадать же добру, – оправдывался он.

Но когда Сулейман понял, что Кара-дайы не до смеха, он стал дальше оправдываться:

– Поверьте, Кара-дайы, я не специально! Не петух, а террорист-смертник! Рассказать, никто не поверит. Сам бросился под колесо.

И замолчал Сулейман. Кара-дайы забрал убитого петуха из его рук, потом указал Сулейману на дверь и приказал:

– Свободен!

Сулейман готовился к более бурной реакции Кара-дайы, поэтому быстро удалился.

Кара-дайы отнес Кузнецова под навес, положил тушку на стол. Раздавленная тяжелым трактором Сулеймана и похожая на лепешку голова петуха лежала рядом. Кара-дайы присел на стул и задумался; он не хотел верить своим глазам. Кузнецов был гордостью его двора, лучшим петухом в его хозяйстве за все годы. Кара-дайы решил закопать тушку Кузнецова и его раздавленную голову в фундуковом саду рядом с погибшей ночью курицей, отдав должное его кропотливой работе в курятнике.

– Хотел его тоже достойно похоронить! Тем более, он носил имя моего боевого командира, – вспоминал позже он.

Перед процессом захоронения Кара-дайы, чтобы как-то утолить горе от случившегося, спустился в подвал и выпил две стопки кизиловки.

– Всего две стопки, – позже, рассказывая мне эту историю, он обязательно упоминал количество выпитого им спиртного, тем самым указывая на то, что от такого мизерного количества он не мог потерять голову. И давая понять, что в последующих его действиях спиртное было ни при чем.

– Всё остальное было проделками шайтана, – оправдывался он. – Видимо, шайтану легче сбить с толку людей, выпивших спиртного, – дальше рассуждал Кара-дайы. – С другой стороны, с помощью спиртного шайтана можно и прогнать, если ты выпиваешь осознанно и против него.

В дальнейшем, между прочим, по его рассказам, Кара-дайы именно этим способом часто избавлялся от преследований назойливого шайтана.

Как бы там ни было, этих двух стопок хватило шайтану, чтобы сбить Кара-дайы с истинного пути. Поднявшись наверх, Кара-дайы стал смотреть на петуха другими глазами:

– Я спустился в подвал одним человеком, вышел оттуда другим. Когда я спустился, на столе лежало безжизненное тело любимого мною Кузнецова. А когда я поднялся – увидел перед собой упитанного петуха, которого сам Всевышний велел разделать и отправить прямиком на сковородку! И я забыл, что это Кузнецов! Шайтан стал подсказывать мне, что если поджарить этого петуха, да еще с лучком и томатом, можно на обед не только сытно поесть, но и еще несколько стопок дополнительно пропустить.

– Всё равно, рано или поздно ты зарезал бы его, – говорил ему шайтан. – Одним днем раньше, одним позже. Тем более, Сулейман отрезал его голову, пока он был теплый, – уговаривал шайтан Кара-дайы.

И уговорил-таки. Послушав шайтана, Кара-дайы взял тушку Кузнецова и через забор кликнул Сулеймана. Тот моментально явился к нему во двор. Указав на петуха, Кара-дайы приказал:

– Пусть твоя жена поджарит его на обед. Не пропадать же добру. Моей жены дома нет, к дочери уехала, так что обедать будем у тебя.

Сулейман с петухом помчался к себе во двор.

За обедом они с Сулейманом выпили столько, что после этого Сулейман три дня не садился за руль трактора. Куры и индюки соседей три дня безбоязненно гуляли на улице.

Именно этот случай Кара-дайы считает первым вторжением шайтана в его жизнь, первым его наущением.

– Я никогда не съел бы Кузнецова, закопал бы в саду с почестями, – оправдывается он по сей день. – Всё, что случилось, это проделки шайтана, – говорит Кара-дайы. – А так – считай, что съел своего «боевого товарища», – стыдится Кара-дайы, но, вспоминая тот день, обязательно при этом отмечает жену Сулеймана:

– Жена Сулеймана хорошо орудует на кухне, умелая хозяйка, петуха она поджаривает намного лучше, чем моя жена. И это надо признавать, – не забывает Кара-дайы при этом поблагодарить жену Сулеймана за вкусный обед, как бы подчеркивая, что проделки шайтана на жену Сулеймана в тот день не распространились.

– Если бы не Сулейман со своим трактором, я по сей день восхищался бы Кузнецовым, – с тоской вспоминает Кара-дайы, наблюдая за курами во дворе.

Кстати, наблюдение за курами всегда было любимым развлечением Кара-дайы. Наблюдая за ними, он сделал не одно открытие. Как-то, когда еще жив был Кузнецов, во время очередного своего наблюдения Кара-дайы позвал меня к себе и спросил:

– Вот ты у нас грамотный, в Русете институты закончил. Скажи-ка мне, пожалуйста, почему курицы убегают от петуха, когда он хочет топтать их?

Я посмеялся:

– Я вообще-то специалист не по курицам, так что не скажу.

Кара-дайы тут же перебил меня:

– Все нормальные мужчины – они специалисты по курицам, понял?

– Понял, – продолжал я смеяться, надеясь на очередное открытие со стороны Кара-дайы. Ждать пришлось недолго.

– Запомни, когда курица убегает от петуха, она всегда думает: «Не слишком ли быстро я бегу?»

– Так они еще и думают? – не удержался я.

– А ты как хотел? Побег курицы от захотевшего ее петуха – это своеобразный ритуал. У них так принято. В курятнике всё зависит от петуха, как в нормальной семье – от мужа. За столько лет наблюдений я сделал вывод: чем слабее петух, тем быстрее и дальше от него убегают курицы. А если петух сильный, уверенный, как мой Кузнецов, тогда они не убегают, а только ждут его клича. Не веришь? Посмотри, как сейчас мой Кузнецов разделается с рябой курочкой!

Кара-дайы напрягся в ожидании дальнейших действий любимого петуха. Делать было нечего, я тоже стал смотреть.

Первым делом Кузнецов на своем петушином языке отправил «депешу» этой рябой:

– Ку-куры!

Курочка, следуя врожденному куриному инстинкту, хотела было кокетливо сигануть от захотевшего ее петуха. Но тут Кузнецов предупредил ее еще грознее:

– Ку-куры!

Рябая моментально легла на землю, опустив голову, будто в эту минуту над ее головой пролетел самолет. Тем временем Кузнецов не спеша подошел к ней, надменно задрав одну лапу, залез на нее, потянул вторую. Потоптав курицу, он спустился и издал победный клич:

– Ку-куры! – мол, «Довольна ли ты осталась?» – спросил он у курицы.

– Кукууры, – в ответ благодарно вымолвила курица, – мол, «Еще бы!»

По крайней мере, так я понимал ситуацию и, видимо, не ошибся.

– Видишь, вот таким хозяином надо быть в жизни! У Кузнецова больше пятидесяти кур, но он мастерски ими управляет. Поэтому в его курятнике всегда порядок. И курицы все довольны. Я не раз замечал, как соседские курицы тоже перелетают к нему. Знаешь, почему? Потому что у соседней петухи слабые, не могут нормально делать свое дело. Вот и залетают их куры ко мне во двор. Я лично ничего против этого не имею. Кузнецов настоящий петух и топчет, как положено.

– Как он топчет, мы, конечно, не знаем, – поддел я Кара-дайы.

– Может, ты и не знаешь, а я знаю. Топчет он хорошо! Пятьдесят кур и все довольны! – восхищался Кара-дайы Кузнецовым. – А у людей, думаешь, по-другому? У людей то же самое! Женщину мало любить на словах, ее еще надо топтать! Понял? Не будешь топтать ты свою жену, потопчет другой. Будет она обязательно смотреть в сторону и найдет себе другого петуха! Или ее будет топтать здоровый сосед, или кто-то другой. Нельзя их оставлять без присмотра. Такова у женщин натура...

Я смотрел на черный затылок Кара-дайы, восхищался его философией, тем более, что наше наблюдение за курами происходило перед обедом. Обед обещал быть интересным.

А Кара-дайы тем временем завершил наблюдение. Мы оба встали, но прежде чем уйти к накрытому в комнате столу, Кара-дайы в последний раз проводил глазами любимого петуха и добавил:

– Пятьдесят кур и ни единой жалобы! А мы одной женой-мугалкой не можем управлять, – с нескрываемой завистью к Кузнецову завершил Кара-дайы, и мы перешли в залу.

В период преследования шайтаном Кара-дайы не только успешно отбивался от него, но и, как он позже похвастался в разговоре со мной, «ударился в науку». Воодушевленный успешным внушением зогаллинцам о существовании злых духов, Кара-дайы в те годы создал «учение», предостережениями которого, по его словам, должны были пользоваться не только зогаллинцы, но все азербайджанцы.

Как человек, волею судьбы оказавшийся в научной академической среде, однозначно могу заявить, что «учение» Кара-дайы ничего общего не имеет с научным открытием в общепринятом его значении. Более того, как мне кажется, и тут, видимо, не обошлось без влияния того самого шайтана, который терроризировал тогда Кара-дайы. Ибо буквально через несколько лет Кара-дайы стал жертвой собственной беспечности и самоуверенности, которые предусматривались его «учением» как сама собой разумеющаяся форма поведения после достижения определенного возраста.

На самом деле так называемое учение Кара-дайы заключалось в анализе его многолетнего общения с представительницей мугальского сообщества, точнее, с собственной женой. Я как-нибудь обязательно напишу подробно об этом так называемом «учении». Если коротко, суть его «учения» заключалась в том, что якобы им была разработана уникальная методика, которая позволяла безошибочно определить, попала ли тебе в жены мугалка.

– Хорошо, если она сразу признается о своих мугальских корнях, – воодушевленно говорил Кара-дайы, как только речь заходила о нем, – а сколько «скрытых мугалок» по стране выходят замуж за порядочных наших парней? А потом раз, и преобразуются? Считать, не сосчитать, – подняв брови дугой, Кара-дайы обозначал глубину проблемы.

С одной стороны, «учение» Кара-дайы, по его утверждению, позволяло заблаговременно узнать происхождение будущей жены и избежать женитьбы на ней, если обнаружится, что она мугалка. А с другой стороны:

– Если уж тебе попала в жены мугалка, как моя, скажем, – предупреждал Кара-дайы в своем «учении», – главное – держаться и не поддаваться ей до шестидесяти лет, точнее, до пенсии.

После шестидесяти лет, согласно «учению» Кара-дайы, мугалки, увидев тщетность своих попыток превзойти мужа, наконец-то успокаиваются. А до шестидесяти лет, предупреждал Кара-дайы, надо быть начеку, потому что мугалки только и ждут подходящего момента, чтобы взять власть в семье в свои руки, ежедневно применяя разные способы, пробуя всевозможные методы.

– Надо же, вот об этом как раз я не знал, – когда Кара-дайы в первый раз по-

свящал меня в тонкости своего открытия, на этом месте я выразил искусственное удивление и тем самым призвал его к более детальному объяснению.

– Я по себе сужу. Думаешь, моя не пробовала? – Кара-дайы большим пальцем указал в сторону кухни, где в это время работала его жена. – Еще как пробовала. Моя мугалка, я тебе скажу, всем мугалкам мугалка. Это она со стороны такая покладистая. Вся жизнь она мне хотела подсказывать: делай то, делай другое! Но я обрубил на корню все ее попытки:

– Я в этом доме, в моей семье должен тебе подсказывать, что и как делать! – сказал я ей. – А твоя задача – молча выполнять! Не нравится – вот тебе дорога, забирай свои ведра и до свидания!

Кстати, и по сей день возможный уход жены из дома Кара-дайы каждый раз связывает с теми ведрами, с которыми он умыкал ее еще до войны, демонстративно подчеркивая, что, с одной стороны, в случае ухода жены ему ничего от нее не нужно. С другой стороны, давая понять, что в случае ухода жене не полагается никакой материальной компенсации, кроме тех двух ведер.

– Да, а что мне с ней церемониться-то? – завелся Кара-дайы. – Всю жизнь только и делает, что бурчит! Бурчит, бурчит, бурчит... А я терплю и подсказываю, что надо делать. Сама никогда не догадается. У них фамилия такая, недогадливая! У них род такой, мугальский, недогадливый! Вот сейчас, к примеру, сидим мы с тобой в холодной комнате и мерзнем. Знаешь почему?

– Почему? – спросил я и согласился с Кара-дайы. В комнате действительно было холодно, хотя было выпито достаточно кизиловки.

– Всё потому же! Я должен ей сказать, чтобы она пришла и затопила бухару. Сама не догадается никогда, будет себе ходить по холодному дому, как медведь северный, и не догадается, что, может, другим холодно, может, пора бухару топить. Зима на улице, знает же ведь прекрасно, что не люблю я холод! Не люблю и всё! Делай мужу приятное, вот столько дров заготовил я! Если завтра помру, с собой их в могилу не заберу, никто еще могил не топил! В доме должно быть тепло, человек должен жить в тепле! Человек столько лет живет с тобой, вытащил тебя из дыры, пришла на всё готовое. Куда там! – Кара-дайы выстроил целую тираду претензий к жене, в очередной раз подчеркнув, что она должна быть благодарна судьбе, что оказалась в этом доме, в этом дворе.

Честно говоря, бухару мог истопить сам Кара-дайы тоже, или же он мог меня попросить, в конце концов. Особого искусства это занятие не требует, к тому же, гора сухих дровишек лежала возле бухары, ожидая своей участи.

Но я догадывался: согласно «теории» Кара-дайы, должно произойти дальнейшее обострение ситуации, поэтому в знак согласия я покивал головой. Кара-дайы будто этого и ждал:

– Растопи бухару! – неожиданно даже для меня закричал он в сторону кухни. Через минуту со стороны кухни показалась жена Кара-дайы.

– Сколько раз можно объяснять тебе – не люблю я холод, понимаешь? – продолжал кричать Кара-дайы.

Но жена Кара-дайы действительно еще та мугалка, ее криком не возьмешь:

– Бухара горит, посмотри, чтоб твои глаза ослепли, посмотри, – походя бурчала она. Я удивился наглости и смелости жены Кара-дайы, утверждающей, что бухара горит. На самом деле в бухаре ничего не горело, она была пуста.

– Горит, горит, – повторял Кара-дайы слова жены. – Мне виднее, горит она или нет. Сказано – подбрось дровишек, значит, подбрось!

Жена Кара-дайы положила в бухару несколько дровишек, потом меж дровишек засунула кусочек старой газеты, который достала из кармана, подождала, постояла с минуту, убедившись, что огонь разгорелся, что-то пробурчала себе под нос и ушла.

– Видишь, какие они, – говорил вслед Кара-дайы. – Еще и недовольна, видишь. А сама только и делает, что мне указывает – как жить, что делать. Мне не нужны ничьи подсказки! Я, как мужчина, есть управленец своего дома. Поэтому я сегодня и хожу с гордо поднятой головой, а шея, – Кара-дайы наклонил голову передо мной, показал свою черную волосатую шею, похожую на шею буйвола, и серьезно спросил: – Никто не сидит?

– Нет, – засмеялся я.

– И слава Аллаху, свободна моя шея и не болит. Вот так вот. Тебе тоже советую, между прочим, слушаться меня! – сказал Кара-дайы, на этот раз движением бровей обозначив глубину последствий, если я послушаюсь.

– Хорошо, – моментально согласился я.

Мой утвердительный ответ настолько понравился Кара-дайы, что его карие глаза засветились. Он радовался так, как радуется почтенный ученый, который на закате своих лет наконец-то встречает достойного последователя. Поэтому Кара-дайы моментально перешел к практической части своего учения, точнее, стал объяснять, как его учение реализуется в жизни:

– Никогда не поддавайся жене, всегда настаивай на своем! Запомни, с мугалками главное – до пенсии дотянуть. После шестидесяти они успокаиваются. У них порода такая. Я хорошо знаю психологию мугалок. Поэтому в своем доме я хозяин!

Действительно, к семидесяти годам позиции Кара-дайы в семье были очень устойчивыми. Он управлял женой, как и в молодые годы, твердой рукой! Командовать ему нравилось с войны.

Как глава семьи, Кара-дайы обладал немалыми привилегиями и, надо признать, сполна пользовался ими. Дома, за обеденным столом, с молчаливого согласия жены и дочерей, у него имелось постоянное, строго охраняемое место. Из большой фаянсовой кружки с позолотой только он мог пить чай с халвой, больше никто! Кроме того, у него имелись и другие привилегии. Например, когда дома резали петуха, курицу или индюка, лучшие части обязательно подавались ему. Жена Кара-дайы, если и имела право голоса, то только на местных и республиканских выборах. Между прочим, пока не забыли, – выборы являлись единственным массовым мероприятием, куда Кара-дайы обязательно брал с собой жену. Даже далекие от политической жизни страны зогаллинцы, рано утром увидев на улице Кара-дайы с женой, направляющихся в сторону сельского клуба, где, как правило, размещался участок для голосования, догадывались, что в стране начались очередные выборы. А дома жена Кара-дайы не имела права голоса.

Ситуация изменилась как-то неожиданно. Видимо, зря все-таки хвастался Кара-дайы своей методикой. К восьмидесяти годам его позиции в доме вдруг пошатнулись, и принцип единоначалия в управлении семьей, которым он пользовался, начал давать сбои. Стало ясно: у Кара-дайы имеются пробелы в изучении психологии мугалок.

Говоря политическим языком, давление со стороны жены и дочерей (которые если и не были полнокровными мугалками, то, как минимум, являлись полумугалками) нарастало с каждым днем и было направлено на снижение статуса Кара-дайы в семье. Результат не заставил себя долго ждать. Кара-дайы выбрал, как это ни грустно сегодня признавать, не самое разумное решение. Он как-то очень быстро капитулировал, хотя и с оговорками. Авторитарный стиль управления в отдельно взятой семье логически приблизился к своему завершению. Жена Кара-дайы, вопреки методике своего мужа, после ухода на пенсию и не подумала «окончательно успокоиться», – наоборот, в разговорах с мужем стала вести себя более наступательно. Кара-дайы, как бы он этому ни сопротивлялся, стал постепенно уступать свои позиции. К тому же на стороне наступающей жены, как мы уже отметили, стали выступать дочери. Зятя, которые больше склонялись к тому образу жизни, который вел Кара-дайы, выражать свою позицию открыто почему-то не стали.

Первым делом коалицией (женой и дочерьми) был наложен запрет на употребление Кара-дайы спиртных напитков, якобы из гуманных соображений. Домашние ссылались на его ослабевшее с годами здоровье. Кара-дайы возражал, сопротивлялся, и, тут надо отдать ему должное, он категорически не согласился с полным запретом. В итоге стороны сошлись на существенном ограничении в употреблении спиртного. Правда, и тут Кара-дайы сразу не сдался, попросил отсрочку:

– Так и быть, – сказал он своим, – после осенних деревенских свадеб буду пить только по большим праздникам.

После осенних свадеб жена и проживающая с ними дочь усилили контроль за поведением Кара-дайы, не всегда разрешали ему спускаться в подвал за желанным продуктом. Но к тому времени Кара-дайы успел по всему дому и во дворе соорудить несколько тайников, где в маленьких бутылках стал хранить на всякий случай любимые напитки собственного изготовления. Как-то он мне признался, что таких тайников у него пять – два в скотном сарае, два на чердаке и один тайник – на втором этаже каменного дома, где у него телевизор. Обещал даже показать, где они находятся, правда, потом передумал:

– Когда надо будет, тогда покажу. Пока рано, – сказал он.

Одним словом, Кара-дайы, хотя и согласился на некоторые ограничения, но пить меньше не стал – как пил раньше, так и продолжал пить сейчас. Правда, открытости стало меньше. Борьба с любимыми формами автократии, как известно из той же западной политологии, если она не носит революционного характера, как правило, рано или поздно забуксовывает и терпит неудачу. При этом не имеет значения, где эта борьба ведется – в политической жизни общества или в отдельно взятой семье. Возможно, именно на это и надеялся далекий от политологии Кара-дайы.

Как бы там ни было, Кара-дайы стал больше слушать жену. И будь неладен тот день, когда он в очередной раз послушал ее и пошел навестить самого великовозрастного жителя Зогаллы – умирающего Аллаверди-бабу.

***

Любой зогаллинец и сегодня подтвердит вам, что Кара-дайы и Аллаверди-баба не были заклятыми врагами. Никакой видимой вражды и яркой ненависти между ними не было. То, что они терпеть не могли друг друга – это правда. Почти век прожили в одной деревне бок о бок, но не общались.

История взаимной неприязни уважаемых в Зогаллы аксакалов берет свое начало с далекой деревенской свадьбы начала прошлого века, где тогда еще молодой, двадцатилетний Аллаверди был смотрителем танцевального магара и с кизилковым прутиком в руке охранял магар от набегов детей. Высокий и худой Аллаверди, скорее, имитировал охрану, проходя по кругу. Отчасти, видимо, и дети пользовались медлительностью охранника, нарушая правила. Больше всех в тот вечер, оказывается, на круг забегал шестилетний маленький и непослушный Кара. Поймав его каким-то образом при очередном нарушении, уставший от предупреждений Аллаверди грубо скрутил уши маленькому Каре. По словам же Кара-дайы, как в наши дни он мне рассказывал, Аллаверди-баба тогда не только скрутил ему уши, но и поднял его за эти самые уши вверх, сделал круг по магару, хвастаясь перед гостями свадьбы добросовестным несением службы и пойманым нарушителем. «Как обычно хвастается охотник перед своими друзьями подбитым зайцем», – говорил Кара-дайы, вспоминая ту свадьбу. И только после того, как все гости увидели нарушителя, Аллаверди, оказывается, отвел Кару в сторону и бросил его на землю.

Круг с высоко поднятым за уши Карой, по мнению большинства зогаллинцев, придуман позже им самим. Тем самым, якобы, он хотел дать обоснованное объяснение своей обиды на Аллаверди-бабу. Учитывая склонность Кара-дайы к преувеличе-

нию всего случавшегося с ним, трудно не согласиться с зогаллинцами. К тому же детская боль, как правило, запоминается на всю жизнь.

– Уши три недели после этого горели, – опять-таки в наши дни признавался мне Кара-дайы, вспоминая тот вечер. – Дети смеялись надо мной так, что надо было видеть. Представь себе черную обезьяну с красными ушами, – вот на кого был я похож, – говорил Кара-дайы и грустно смеялся над самим собой. Между прочим, Кара-дайы часто высмеивает самого себя, и я не раз слышал, как он сравнивал себя с обезьяной. Но не дай Аллах, если это сделает кто-нибудь другой.

Одним словом, поплавав от боли и бессилия с полчаса в сторонке, маленький Кара, который с раннего детства выделялся среди сверстников особым сквернословием, оказывается, вернулся, подождал, когда зурначи останоятся, вышел на середину магара и во всеуслышание громко выругал молодого тогда Аллаверди:

– Ты мне скрутил уши! Запомни, вырасту, я тебе яйца скручу! – и убежал.

Смущенный Аллаверди даже не предпринял попытки поймать его.

С тех пор в течение больше восьмидесяти лет, до самой смерти Аллаверди-бабы, они не общались между собой. Правда, когда Кара-дайы вернулся с войны, Аллаверди-баба минут на десять заглянул к нему, сухо поздравил его с благополучным возвращением и ушел. И когда отмечали девяностолетие Аллаверди-бабы, после долгих уговоров Кара-дайы согласился присутствовать за праздничным столом. И всё!

Изучение отношений между Кара-дайы и Аллаверди-бабой лишний раз дает основание некоторой части сегодняшней зогаллинской молодежи сомневаться в правдивости постулата о мудрости аксакалов и о взвешенности их поступков. Подобные утверждения они считают преувеличенными, хотя другая, более сознательная часть молодежи не перестает восхищаться каждым стариком в отдельности, пройденной им достойной жизнью. Мне лично, конечно, ближе и дороже Кара-дайы, как близкий родственник и старейшина нашего рода. С другой стороны, Аллаверди-баба тоже прожил долгую, нелегкую, достойную подражания жизнь. Поэтому, что бы там ни говорила зогаллинская молодежь, отдельно взятого каждого зогаллинского аксакала можно ставить в пример не только местному подрастающему поколению, но и мугальскому тоже.

***

О доблестной жизни Кара-дайы сколько ни пиши, всё равно будет мало. Не напишешь ты, напишет другой. Такая у него харизма, однажды пообщавшись с ним, навсегда будешь им очарован и будешь к нему тянуться.

Но в Зогаллы на протяжении всего прошлого века жил старик, который в местном масштабе был ничуть не меньше известен, чем Кара-дайы, уважали его зогаллинцы даже больше, чем нашего Кара-дайы. Повествование о Зогаллы было бы однобоким и предвзятым, если бы кто-то решил обойти стороной его светлую и длинную жизнь. Речь пойдет об Аллаверди-бабе, которому, как это ни прискорбно, перед тем, как тот покинул земную жизнь, нагрубил Кара-дайы.

– Шайтан попутал меня, – вспоминает сегодня Кара-дайы. – Анас-сыны (*азерб. проклятье – Ред.*) того шайтана! Это не я был, это были проделки шайтана!

Задним числом мы все горазды списывать свои ошибки на проделки шайтана, что уж сегодня говорить. Давайте всё по порядку, пусть читатель сам определит, чьи это были проделки.

Аллаверди-баба с рождения был чудным творением природы. К шестнадцати годам он вымахал ростом под два метра и стать бы ему высокорослым красавцем, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство это уникально во вселенском масштабе и связано с тем, что, имея такой рост, он неуверенно держался на ногах, с раннего детства при ходьбе часто падал. А причиной частого падения служили его

маленькие ступни его ног. Сегодня ни один криминалист не поверит, если рассказать ему, что человек под два метра ростом имел тридцать восьмой размер ноги. Хотя, по словам учителя истории зогаллинской школы Байрам-муаллима, великий русский царь Петр Первый тоже страдал подобной диспропорцией между ростом и размером ноги, но она не помешала ему создать новую Россию, потому что, оказывается, в отличие от Аллаверди-бабы, при ходьбе он не падал. Другой учитель зогаллинской школы, преподаватель биологии Тельман-муаллим, именно несоответствием высокого роста и маленьких ног объяснял причину частых падений в детском возрасте Аллаверди-бабы. Помнящие детские кульбиты Аллаверди-бабы зогаллинские аксакалы рассказывали, что в детстве, когда тот пытался бежать, он не только падал, но обязательно еще и кувыркался после падения. К двадцати годам из-за падений молодой Аллаверди успел сломать все возможные кости организма, на которых держалось его высокое тело.

– На переломах Аллаверди я научился лечить людей, – позже признавался костоправ Юсиф-киши, который считался лучшим специалистом своего дела не только в Зогаллы, но и в близлежащих деревнях. При лечении переломов костоправ Юсиф-киши при наложении шины на место перелома пользовался не гипсом, а раствором, сделанным из яичного желтка и муки.

От частых падений у Аллаверди-бабы больше всего страдали трубчатые кости бедра, не знали покоя кости локтей и кистей. Доходило до того, что сломанные короткие кости, например фаланги пальцев, никто за травмы не считал. А сколько связок было порвано при падениях – тоже не сосчитать. Однажды при падении он сломал себе левое ухо, ударившись о край дубового бревна, и тем самым поставил в крайне неудобное положение костоправа Юсиф-киши. Тот, сколько ни старался, так и не смог наложить раствор на место повреждения.

К тридцати годам Аллаверди-баба вроде бы нашел баланс между высоким ростом и маленьким размером ноги, приловчился к безопасной ходьбе и хотя падать не перестал, но делал это реже, чем в былые годы. Начало войны он встретил с шиной, на этот раз на правой руке, умело наложенной всё тем же костоправом. Но, как бы там ни было, именно по причине биологической диспропорции тела его не призвали на войну. Как ни странно, только после войны Аллаверди-баба перестал падать при ходьбе, подобно ребенку, наконец-то научившемуся ходить.

– Хитрый он был, ждал, когда война закончится, – язвил Кара-дайы по этому поводу.

Научившись уверенно держаться на земле, впоследствии Аллаверди-баба настолько плодотворно сотрудничал с ней, что долгие годы считался лучшим садоводом, а позже и овощеводом в Зогаллы. Из всех видов фруктов предпочтение он отдавал яблокам. У себя во дворе он вырастил большой яблоневый сад из разных сортов яблонь. Созревали яблоки, начиная с июня месяца и до самой глубокой осени. По вечерам Аллаверди-баба сидел на улице, перочинным ножом чистил яблоки и угощал собравшихся вокруг себя соседских детей. К семидесяти годам его потянуло еще и к овощам. В то время он был единственным зогаллинцем, который выращивал огурцы в теплице. Сегодня, вспоминая Аллаверди-бабу, зогаллинцы как-то забывают про яблоневый сад, а в первую очередь говорят о теплице с огурцами. Точнее, теплицу никто не вспоминает, вспоминают только огурцы. Дело в том, что Аллаверди-баба любил угощать земляков первым урожаем огурцов из своей теплицы. Собирал он первый урожай огурцов в большое пластмассовое ведро, выходил на улицу и сидел на лавочке. Угостив детей, он предлагал угощаться огурцами всем проходящим мимо, делая им «непристойное» по своему содержанию предложение:

– Угощайтесь моими свежими огурцами, – говорил он.

«Непристойность» предложения усиливалась, когда он рукой показывал на огурцы, находящиеся в ведре между его ногами.

Взрослые мужчины и женщины, как правило, смеялись над предложением Аллаверди-бабы, но не отказывали ему, подходили и брали огурцы. Молодые женщины, ошеломленные подобным предложением, первым делом краснели, но тоже не могли устоять перед настойчивым приглашением Аллаверди-бабы. Чтобы не обидеть старика, они смущенно подходили и угощались его свежими огурцами. Аллаверди-баба оставался довольным и спокойно зывал следующих.

Кроме спокойного характера, любви к яблокам и огурцам, Аллаверди-баба славился еще своими серебристыми усами, которые зогаллинцы считали самыми большими в округе. За огромные усы старики сравнивали его с национальным героем Азербайджана Кёроглу, а молодежь – с русским маршалом Будённым. В интеллигентной зогаллинской среде второе сравнение считалось более правдоподобным, потому как фотографию Буденного в то время часто печатали в газетах и журналах. Хотя при сравнении кроме больших усов в них тяжело было найти еще какое-то сходство. Что касается Кёроглу, то сравнение с ним провести было трудно, потому что никто из зогаллинцев не видел Кёроглу не только живым, но и на фотографиях. Не считая, конечно же, Кара-дайы, который, якобы, несколько раз во сне виделся и даже разговаривал с героем.

Между прочим, сравнение Аллаверди-баба с Кёроглу приводило Кара-дайы в бешенство:

– Какой еще Кёроглу? – возмущался он всякий раз, когда речь заходила о сходстве Аллаверди-бабы с национальным героем. – Нет еще, Дамирчиоглу! Он даже на Кечал Гамзу не тянет! Я-то уж знаю, что говорю, – решительно заключал Кара-дайы, будто всех героев эпоса «Кёроглу» он знал в лицо и здоровался с каждым делибашем в отдельности.

Стоило Аллаверди-бабе появиться на улице, как моментально начиналось:

– Пожалуйста, глядите, чем не Кёроглу? – говорили одни, забывая при этом, что у Кёроглу кроме больших усов были и другие, более весомые достоинства, благодаря которым он прославился в свое время и навсегда остался в памяти народа.

Вторые не отставали от первых:

– Настоящий маршал Будённый! – говорили они, увидев Аллаверди-бабу.

А настоящий маршал Будённый тогда еще был жив и здоров, проживал где-то в Москве и, естественно, не догадывался, что в далеком Зогаллы живет старик, которого сравнивают с ним. Маршалу было не до Аллаверди-бабы. В отличие от Аллаверди-бабы, к жизни он относился более рационально. Несмотря на почтенный возраст, маршал часто баловался русской водкой из холодильника, особенно в послеобеденное время, хотя не прочь был пить и по утрам. Впрочем, данное увлечение в умеренных количествах в Зогаллы никогда не считалось порочащим достоинство мужчины, тем более, если это касалось уважаемого маршала.

Аллаверди-баба не возражал против таких сравнений; будучи человеком добродушным и спокойного нрава, в ответ он только улыбался, гордо поглаживая свои огромные усы. Можно было только завидовать его спокойствию. Никто в Зогаллы и сегодня не вспомнит случая, при котором Аллаверди-баба повысил бы на кого-то голос. Со всеми он был вежлив и внимателен. Говорил он всегда литературным языком, взвешивая каждое слово и предложение.

За всю его длинную жизнь только однажды он вышел из себя. Что интересно, этот случай связан был как раз с его большими усами и с первым секретарем райкома Расимом Халыговичем.

Дело в том, что в 60–80-е годы прошлого века Аллаверди-баба считался лучшим колхозником в районе по уходу за тутовым шелкопрядом.

Шелководство в Зогаллы имеет богатую и давнюю историю. Как рассказывают аксакалы, этим промыслом они занимались и до Советов и при Советах. Раньше шелковичных червей в Зогаллы выводили интересным способом: засыпанные в мешочки

из ткани «семена» зогаллинские женщины несколько дней держали под мышкой или за пазухой, обеспечивая необходимое для них тепло и перемешивая их время от времени.

Уход за тутовым шелкопрядом в советские времена у нас в Зогаллы носил индивидуально-семейный характер, несмотря на коллективную форму труда для остальных видов сельскохозяйственных работ. Каждому колхознику вменялось в обязанность брать «семена» (мелкие яички) тутового шелкопряда к себе в дом, кормить и выращивать его у себя, а полученные в итоге коконы сдавать государству. Семена шелкопряда выдавались колхозникам бесплатно, средняя зогаллинская семья брала на выращивание от тридцати до пятидесяти грамм яиц тутового шелкопряда и сдавала государству в среднем три килограмма коконов на каждый взятый грамм. Аллаверди-баба, имея большие сады тутовых деревьев, на выращивание брал не меньше ста граммов «семян» и, несмотря на пенсионный возраст, успешно выращивал их и сдавал государству каждый год не меньше двухсот килограммов коконов. Так как выращивание тутового шелкопряда очень тяжелый и изнурительный труд, то без посторонней помощи одному человеку это не под силу. Аллаверди-баба помогали не только члены его семьи, в первую очередь, дочери и внуки. Недели на две во время сезона он также нанимал нескольких мугалов из соседней деревни, платя им по пять рублей в день.

Как-то, объезжая зерновые поля колхоза, первый секретарь райкома Расим Халыгович остановился возле тутового сада, заметив работающего в нем высокого седого старика с огромными усами. Когда ему сказали, что этот тот самый старик, который больше всех в районе сдает коконы государству, Расим Халыгович вышел из машины и напрямик направился в тутовый сад. Аллаверди-баба тогда еще не знал в лицо первого секретаря. Увидев приближающегося к нему мужчину в костюме и галстуке, догадался, что это кто-то из руководителей района. Тем более, что председатель колхоза, Ислам, стоял рядом чуть ли не по команде смирно.

Расим Халыгович поздоровался с Аллаверди-бабой с большим энтузиазмом:

– Аллах в помощь, аксакал! Чтобы руки ваши не знали усталости!

Аллаверди-баба ответил с намного меньшим энтузиазмом. Во-первых, руки его к тому моменту уже были уставшими, так как работали они с раннего утра. А во-вторых, Аллаверди-баба не любил афишировать свое предпринимательство, поэтому ему не очень хотелось, чтобы руководство района видело нанятых им рабочих. В те времена властям подобное не нравилось, хотя в районе все знали, что в сезон Аллаверди-баба нанимает рабочих. Ради выполнения плана власти на многое закрывали глаза. Поэтому Аллаверди-бабе наем рабочей силы со стороны пока сходил с рук. После крепкого рукопожатия, указав на рабочих, Расим Халыгович отметил:

– Всей семьей, вижу, трудитесь! Молодец, аксакал! Сами работаете и молодым пример показываете.

Аллаверди-бабе ничего не оставалось, как движением головы зачислить рабочих мугалов в члены своей семьи.

Потом Расим Халыгович поинтересовался у Аллаверди-бабы видами на урожай. Тут Аллаверди-баба привел несколько обязательных условий, при благополучном совпадении которых урожай должен быть неплохим, и указал на возможные причины, в случае которых (не дай Аллах!) урожая можно вообще не ждать.

– Будем надеяться, что всё будет хорошо, – резюмировал старик.

– Будем надеяться, – согласился Расим Халыгович, рукопожатием распрощался было с Аллаверди-бабой, но в последний момент не удержался и сделал ему комплимент:

– Усы у вас, аксакал, скажу вам, то, что надо! Усы настоящего мужчины!

В вопросе усов у Аллаверди-бабы годами была выработана четкая позиция, поэтому он твердо ответил:

– Да, усы для меня – дело принципиальное. Мои усы – продолжение традиций моего народа! Каждый уважающий себя мужчина должен носить усы, – парировал Аллаверди-баба мгновенно, и с высоты своего роста посмотрел на безусого первого секретаря.

Тот посмеялся, ответ Аллаверди-бабы ему понравился, и все же он сказал:

– Нельзя быть таким категоричным, аксакал. Сейчас многие не носят усов. Я тоже не ношу. Нельзя делать из своих усов культ!

– При чем тут культ! Наши отцы и деды испокон веков носили усы. Усы – это традиция народа!

Расим Халыгович почувствовал, что еще одно слово, и его собеседник закипит. Поэтому он обнял старика, улыбаясь, сказал ему:

– Да я пошутил, отец! Ну, не обижайтесь вы так.

– Тоже мне, шутник, – ответил Аллаверди-баба. – Из-за таких шутников, как вы, скоро вся нация останется без усов!

– Хорошо, хорошо, отец! – смеялся Расим Халыгович. – Я не хотел вас обидеть. Я хотел просто поинтересоваться, может, стоит вам немножко укоротить их по бокам все-таки, а? Мешают же, наверно, когда едите. И ухаживать легче будет за ними!

Лучше бы он этого не говорил. Рабочие-мугалы от неожиданности чуть не попадали с деревьев, когда Аллаверди-баба во весь голос ответил:

– Традицию народа нельзя укоротить, ее можно только приумножать! Если бы я ел с вашей тарелки, тогда вы имели бы право рассуждать, мешают они мне или нет во время еды! Но я ем со своей тарелки, и они мне ничуть не мешают! Неужели не ясно?

– Ясно, как же не ясно, – Расим Халыгович хотел успокоить Аллаверди-бабу. Но того невозможно было остановить:

– Запомните, недалек тот день, когда вся молодежь Зогаллы, последовав моему примеру, начнет отращивать усы!

– Верю, верю, – Расим Халыгович согласился со стариком, чтобы успокоить его.

– Всё идет отсюда! – направленным в воздух пальцем Аллаверди-баба указал первому секретарю райкома, откуда идут народу его традиции.

На этом они и разошлись.

...В тот год Аллаверди-баба сдал государству рекордное количество коконов и по указанию Расима Халыговича его, как передового колхозника, впервые пригласили на подведение итогов по коконоводству. Впоследствии это стало традицией, его стали приглашать каждый год, пока Расим Халыгович был первым секретарем. При встречах с Расимом Халыговичем они здоровались как старые добрые знакомые. Каждый раз, указывая на большие усы, Расим Халыгович шутя спрашивал:

– Ну что, аксакал, усы будем укорачивать?

И каждый раз Аллаверди-баба серьезно отвечал:

– Нет, не будем! Нельзя укорачивать гордость народа!

Если не считать этого случая и случая с маленьким Карой на свадьбе, Аллаверди-баба за свою долгую жизнь, можно сказать, никогда и ни с кем не повздорил. Он даже с детьми общался как со взрослыми. Никто от него не слышал плохого слова, на все деревенские мероприятия, будь то свадьба или похороны, он попевал в числе первых. На свадьбах, зная исключительную порядочность и честность Аллаверди-бабы, его, как правило, просили быть смотрящим над поварами. В те годы в Зогаллы на свадьбы не приглашали профессиональных поваров. Ими назначались местные мужчины, знакомые с поварским делом, умеющие вкусно готовить. Нередки были случаи, когда зогаллинские повара по ходу свадьбы напивались и начинали налево и направо раздавать приготовленную для свадьбы еду. Хозяева свадеб, назначая Аллаверди-бабу смотрящим над поварами, убедительно просили его, чтобы он вовремя пресекал бесконтрольное разбазаривание свадебной еды. И старался Аллаверди-баба

на славу – когда вся свадьба гуляла и плясала, он бдительно следил за целевым расходом содержимого огромных свадебных казанов.

На похоронах его усаживали во главе поминального стола, и прибывшие на похороны первым делом именно ему приносили свои соболезнования.

Долгую жизнь Аллаверди-бабы невозможно представить без его дочерей. Мугалы тут, конечно, сразу возразят, что жизнь любого родителя немислимо представить без его потомков. И конечно, где-то они, как ни странно, будут правы. Однако учитывая вклад дочерей Аллаверди-бабы в общественную жизнь Зогаллы, о них стоит сказать особо.

Аллах не дал Аллаверди-бабе сына, вознаградил его тремя дочерьми. Их мужья, будто сговорившись, один за другим и как-то очень преждевременно покинули наш мир. Еще раньше умерла жена Аллаверди-бабы. К моменту достижения отцом девяностолетнего возраста дочери Аллаверди-бабы сами являлись пенсионерами; старшей дочери было около семидесяти, а младшей больше шестидесяти лет.

Вместе с внуками и правнуками семья Аллаверди-бабы была большой, дружной и сплоченной ячейкой зогаллинского общества. В отцовском доме с Аллаверди-бабой осталась жить старшая дочь, дома младших дочерей тоже находились неподалеку от отцовского. Вклад дочерей в общественную жизнь Зогаллы, как мы уже отмечали, несмотря на их преклонный возраст, и сегодня огромен. Особенно они ценны и незаменимы на поминальных мероприятиях Зогаллы. Дочери Аллаверди-бабы – профессиональные плакальщицы, в Зогаллы ни одни похороны не проходят без их активного участия. За мизерную благодарность они одинаково умело рыдают и над состоятельным покойником, и над бедным зогаллинцем. В поминальных причитаниях они находят такие слова, что даже людей с каменными сердцами доводят до слез. А каков их душераздирающий плач, а какие истерики они умеют устраивать при выносе тела покойника со двора! Это только надо видеть и восхищаться их творчеством и талантом. Говорят, в последние годы их на свои похороны за определенную плату стали нанимать даже соседние мугалы. Я, конечно, не верю таким разговорам, но от мугалов чего угодно можно ожидать: они на всё пойдут, лишь бы самим не поплакать на похоронах своих близких.

Между прочим, когда в зогаллинской среде речь заходит о чьих-то предстоящих похоронах, собеседники для полноценности ритуала обязательно завершают ее обсуждением состояния местного кладбища. Ничего странного в этом, конечно же, нет, было бы нелогично, если бы в эти тягостные минуты они вели речь о сельском клубе.

Не к ночи будет сказано, – хотите верьте, хотите нет, – зогаллинцы свое деревенское кладбище не то что любят, они его просто обожают. В разговорном языке зогаллинцы стараются не употреблять слово «кладбище». Учитель биологии зогаллинской школы Тельман-муаллим после очередных веселых похорон очередного зогаллинского старика как-то предложил исключить данное неприятное для слуха слово из и без того скудного лексикона своих земляков. Потому как на языке старшего поколения зогаллинское кладбище именуется «дубовой рощей», а молодые зогаллинцы для краткости называют его дубровником. Название кладбища происходит от его географического положения. Кладбище у зогаллинцев старинное, ему около трехсот лет, и находится оно в дубовом лесу. Выбор предками места для захоронения усопших и сегодня устраивает большинство зогаллинцев. Хотя, конечно, находятся и скептики. По мнению того же Тельман-муаллима, место для захоронения предки сегодняшних зогаллинцев однозначно выбрали неудачно. Потому что дуб, как утверждает он, это дерево, символизирующее не смерть, а жизнь.

– Как можно было выбрать местом для кладбища дубовый лес, когда дуб является символом долголетия, жизненной силы? – по сей день сокрушается Тельман-муаллим. – Даже самый слабый биолог скажет вам, что при контакте с дубом человек

получает максимально возможное количество жизненной энергии. Будь моя воля, я никогда бы не согласился быть похороненным тут, – говорит он.

– Будь твоя воля, ты никогда не согласился бы умереть, жил бы, как вечный жид, – отвечают ему зогаллинцы. – С другой стороны, если ты не хочешь лежать на возвышенности, где солнце пробивается сквозь листья высоких дубовых деревьев и освещает ее, где всегда чистый воздух, где в могилах отсутствуют бактерии, мы пойдем тебе навстречу как уважаемому учителю. И отдельно похороним тебя в низине, там, где начинаются мугальские поля, затопляемые весной тальми водами, и будешь лежать в воде.

Перспектива лежать в воде не нравится Тельман-муаллиму, поэтому он быстро отступает.

– Так что не умничай, если даже ты трижды учитель. Когда придет время, закопаем, где надо, – добавляют зогаллинцы.

Кара-дайы тоже не соглашается с Тельман-муаллимом и приводит в пример русских, у которых не жизнь, по его словам, а смерть человека часто ассоциируется с дубом. По словам Кара-дайы, именно поэтому у русских широко распространено выражение «дать дуба». Каждый русский покойник, утверждает Кара-дайы, считает для себя честью быть похороненным в дубовом гробу. Как покойник об этом может мечтать, он не объясняет.

– Русские никогда на это не пошли бы, – говорит Кара-дайы Тельман-муаллиму, – если бы всё было так, как ты говоришь.

По мнению Кара-дайы, у дуба действительно много достоинств, но самое главное достоинство – это то, что дуб успокаивает душу. И поэтому наши предки определили место для захоронения в дубовой роще.

Дубовая роща, где зогаллинские покойники находят вечное успокоение души, примыкает к деревне с севера. В обычные дни на красивых железных воротах, установленных местным кузнецом Исмаилом за три месяца до собственной смерти, висит массивный замок, ключи от которого бережно хранят мулла Байрам и блюститель порядка Вахид, проживающий рядом с кладбищем. В эти дни зогаллинцы для посещения могил близких пользуются маленькой калиткой, расположенной рядом с воротами. Но в дни похорон ворота кладбища открываются настежь и великодушно пропускают очередного вечного посетителя.

Войдя на территорию дубовой рощи, невозможно не заметить возвышенность, на которой расположено кладбище. Возвышенность очень красиво сочетается с дубовым лесом. Иной раз некоторые зогаллинцы и гости деревни, особенно летом, в зной и жару, даже завидуют тем, кто покоится в тени многолетних деревьев. Возвышенность позволяет кладбищу оставаться непотопляемым в случаях схода с гор весной и осенью селевых потоков. Сели часто и без предупреждения покрывают не только поля. Разбушевавшийся поток приходит и в сады, и во дворы зогаллинцев, оставляя после себя толстые слои ила. Зогаллинцы в таких случаях находят утешение в том, что дубовая роща в очередной раз не покорила село, осталась сухой и недосягаемой. Поэтому как только кто-то начинает жаловаться на последствия селя, зогаллинские острословы берут его за плечи, поворачивают в сторону дубовой рощи и в шутку ему советуют:

– Хочешь оставаться сухим и невредимым, поторопись в дубовую рощу.

Естественно, жалобщик быстро замолкает, незаметно смывается, потому как какими бы комфортными ни были условия в дубовой роще, в Зогаллы я пока не встречал спешащих туда.

Но с возрастом зогаллинские старики свыкаются с мыслью о неизбежности предстоящего переселения в дубовую рощу. Первым делом они начинают почаще наведываться к могилам близких. Более смелые старики определяют подходящее место для собственной будущей могилы. В Зогаллы нередко случаи, когда самые ре-

шительные аксакалы на месте показывают своим родным и близким, где и по соседству с кем они хотят быть захоронены. Молодой зогаллинский специалист по землеустройству, выпускник Гянджинского сельхозуниверситета Самир подобные решения стариков называет последней привязкой к местности. Менее решительных зогаллинцев, которые до последнего дня не допускают мысли о своей смерти и боятся говорить об этом вслух, близкие тоже хоронят в дубовой роще, но по своему усмотрению.

Аллаверди-баба относился ко вторым. Даже в девяностолетнем возрасте он не решался на «привязку к местности», что вызывало определенные подозрения со стороны соседей. Многие зогаллинцы почему-то считали, что в этом возрасте нечего тянуть и пора бы определиться.

Именно в год девяностолетия Аллаверди-бабы Абид-муаллиму вдруг захотелось отметить эту дату в общезогаллинском масштабе. Зогаллинцы никогда не отмечали дни рождения как отдельные праздники. Потому как в быту у зогаллинцев и без дней рождения всегда хватало поводов для всякого застолья. Несмотря на это, они с пониманием отнеслись к предложению Абид-муаллима и стали готовиться.

Обретение независимости нашей республикой положило конец служебным амбициям Абид-муаллима. Он стал неинтересен новым властям. Сколько Абид-муаллим ни пытался выдавать себя за борца с прошлым режимом, чтобы выхлопотать себе какую-нибудь должность, верхи остались при своем мнении.

Не найдя отклика в верхах, он решил задействовать низы. «И почему бы не отметить юбилей самого старого человека в деревне?» – подумал как-то он во время очередной бессонницы, и с утра приступил к задуманному. С присущим ему азартом Абид-муаллим первым делом поставил об этом в известность нового председателя сельсовета. Потом позвонил бывшему фотографу бывшей районной газеты «Шелале». Во дворе юбиляра Аллаверди-бабы Абид-муаллим сам наметил молодого бычка, которому предназначалось стать жертвой его энтузиазма и быть зарезанным в день рождения хозяина.

Уставший от безработицы фотограф приехал на следующий же день после звонка Абид-муаллима. Прибыл он к одиннадцати часам дня, но долго не мог найти, по его словам, «необходимый ракурс» для фотографирования. Ему мешала внешность юбиляра. То он снимал с головы аксакала папаху, то ему не нравились усы Аллаверди-бабы, которые, якобы, выглядели непропорциональными и выходили на стороны неравномерно. Аллаверди-баба удивлялся:

– Девяносто лет они были пропорциональными, сегодня вдруг покосились, – таким образом выражал он свое недовольство, поглаживая свои усы, преувеличивая при этом их возраст, будто они росли у него с рождения.

Остроумный фотограф был на своей волне:

– Аксакал, – смеялся он, – такое тоже скажете...

После нескольких комбинаций с папахой фотограф решил остановиться на усах, как на виновниках, не дающих ему найти «необходимый ракурс» при фотографировании, и вернул папаху на привычное место.

Как ни сопротивлялся Аллаверди-баба, фотограф ножницами немножко укоротил его левый ус и, добившись пропорциональности усов, потом долго закручивал оба уса. Дав им необходимое направление, фотограф взялся за работу. Съемки он благополучно затянул до обеда и только при виде накрытого стола под тутовым деревом удачно завершил их. Плотно поев, последним вечерним автобусом он вернулся в Гах, обещав на днях передать снимки.

Тем временем Абид-муаллим, как организатор и инициатор мероприятия, на торжество решил пригласить гостей в количестве пятидесяти человек из числа близких родственников и уважаемых зогаллинцев. Если не считать нескольких учителей зогаллинской школы и двух молодых соседей, то из молодежи больше никого на торжество он не пригласил. Позже выяснилось, что это было организационным упущением.

нием со стороны Абид-муаллима. Во-первых, участие молодежи в таком важном мероприятии могло бы иметь хорошее воспитательное воздействие на нее, а во-вторых, не возникли бы проблемы с остатками вина из двадцатилитрового кувшина, купленного у грузин Алибейли и открытого в день торжества. Поэтому на следующий день молодежь всё равно пришлось пригласить в дом Аллаверди-бабы, чтобы те допили остатки вина, не дав ему скиснуть.

Между прочим, покупку вина у грузин организовал не кто иной, как Кара-дайы, который изначально собирался под любым предлогом отказаться от этого мероприятия. Аллаверди-баба сам никогда не пил и, в отличие от многих зогаллинцев, не изготавливал дома спиртных напитков. И когда Абид-муаллим поинтересовался у Кара-дайы, не поможет ли он с покупкой вина у грузин Алибейли, Кара-дайы после недолгого раздумья дал согласие помочь. При Абид-муаллиме он позвонил в Алибейли сыну одного «очень в свое время уважаемого, а ныне покойного грузина»:

– Для вас, Кара-дайы, последний кувшин отдам, – на радостях кричал в трубку грузин. – Сыну оставлял, должен был в отпуск из армии приехать домой. Не отпустили. Сто двадцать литров детских слез!

– Ничем не размешано вино? – грозно спросил Кара-дайы.

– Клянусь могилой отца, чистое! – уверяли на том конце.

– Хорошо, приедут люди от меня, при них откроешь кувшин. Подсунешь некачественное вино, утоплю в твоём же кувшине, – пошутил Кара-дайы.

А когда вино привезли в Зогаллы, в планы Кара-дайы опять вмешался шайтан и убедил его, что он обязан участвовать в дне рождения Аллаверди-бабы: во-первых, он как бы являлся ответственным за качество вина, а во-вторых, шайтан подсказал ему:

– Кара, не каждый день кувшин с вином открывают, ты подумал об этом?

Убедил-таки он его: Кара-дайы очень любил свежее вино.

Торжество назначили на середину июня – точной даты дня рождения Аллаверди-бабы никто не знал. С каждого приглашенного гостя Абид-муаллим заранее собрал по пять ширванов, на часть из которых, как мы уже говорили, было куплено вино. Остальные деньги в день торжества Абид-муаллим в конверте вручил имениннику. Расходы на организацию столов взяли на себя дочери и внуки Аллаверди-бабы. Такова была предварительная договоренность.

Пир устроили такой, какого давно Зогаллы не видел. На столах посреди разных яств заманчиво возвышались графины с настоящим грузинским вином, потребителями которого были настоящие знатоки. Единственная бутылка шампанского, купленная Абид-муаллимом в Загатале, хотя и выглядела сиротливо, но стала удачным эстетическим дополнением к сервировке. К слову, шампанское для зогаллинского застолья такой же чуждый напиток, как крепкая тутовка на столах иранских аятолл.

Гостей разместили за двумя столами. За длинным торжественным столом, который был собран путем присоединения нескольких коротких столов, принесенных от соседей и установленных под тутовым деревом, посадили пьющих гостей во главе с Кара-дайы и Абид-муаллимом. Маленький стол был предназначен для непьющих гостей, на нем отсутствовало спиртное. За ним сидели именинник, мулла Байрам и еще несколько непьющих стариков. Тут же, рядом с ними, разместилось несколько женщин пенсионного возраста, дочери Аллаверди-бабы и соседки. Обслуживанием гостей руководила старшая внучка именинника, а еду на столы носили внуки и правнуки Аллаверди-бабы.

Разделение приглашенных гостей на пьющих и непьющих в зогаллинских застольях практикуется давно. По словам стариков, оно, якобы, связано с религиозными убеждениями непьющих, поэтому нахождение на их столах спиртных напитков недопустимо. Правду говоря, в силу определенных причин истинно верующих в Зогаллы во все времена было очень мало. Советская власть за семьдесят лет свела их

количество почти до нуля. Но когда не стало этой власти, люди постепенно вернулись к религии и начали соблюдать религиозные обряды. Однако в начале девяностых годов прошлого века таких людей в Зогаллы были единицы. В те годы в Зогаллы почему-то принято было считать, что если мужчина не пьет, значит, он верующий.

Кара-дайы немного иначе объясняет разделение столов. По его мнению, целью такого разделения является предостережение непьющих от соблазна выпить.

– Большинство непьющих в Зогаллы когда-то были активными пьющими. Если их сегодня посадить за один стол с пьющими, то они могут не удержаться. И могут начать пить заново наравне с остальными, – утверждает он. – А это уже большой грех, поэтому их и рассаживают отдельно.

Что интересно, на зогаллинских свадьбах непьющих стараются рассаживать ближе к выходу из магара, логично рассуждая, что они быстрее покинут свадьбу, чем пьющие.

В Зогаллы редко встретишь мужчин, непьющих по жизни; большинство непьющих зогаллинцев когда-то были пьющими, но по тем или иным причинам позже бросили пить. Бросали пить зогаллинцы или по состоянию здоровья, или по старости. Из тех, кто сидел сегодня за «непьющим» столом, только сам именинник и его сосед, Самед-дайы, были непьющими по жизни, то есть они никогда не пили спиртного. Самед-дайы был тоже почтенным стариком, жил по соседству с Аллаверди-бабой. Был он на шесть лет младше именинника. Между прочим, в дальнейшие планы Абидуаллима входило со временем отметить юбилей еще и Самед-дайы. Остальные трое непьющих за столом были аксакалами, бросившими пить в пенсионном возрасте по состоянию здоровья.

Исключение составлял мулла Байрам. Мулла Байрам, если ему верить, бросил пить «по указанию сверху». Случилось это после бурного отмечания им собственного юбилея – шестидесятилетия, когда его провожали на пенсию. По словам мoulлы Байрама, в тот вечер он пил столько, что потом спал целые сутки, не мог не только встать, но и открыть глаза.

– Лежу и чувствую, что ужасно хочу воды – нашей, зогаллинской, родниковой, – но какая-то сила держит меня и не дает встать. Сколько ни пытаюсь, всё тщетно. А внутри всё горит. И тогда я понял: если не встану, то сгорю к черту. И стал просить Аллаха во сне, что если он мне поможет встать, я больше никогда не притронусь к спиртному. Только я помолился – буквально через минуту меня подняли на ноги, а глаза сами открылись. Кто поднял – не знаю, знаю одно: кто-то мне помог. Я встал, напился воды, пришел в себя.

Случай с мoulлой Байрамом тогда сильно насторожил многих пьющих мужчин Зогаллы. Особенно насторожены были молодые мужчины и мужчины среднего возраста, которые составляли ударную силу зогаллинских застолий. После того случая большинство из них перестали пить «до упора», боясь впоследствии попасть в число «получивших сверху указание» бросить пить. Зогаллинцы пока не были готовы к тому, чтобы полностью завязать со спиртным. В те годы часто можно было наблюдать следующую картину: бывало, что в самый разгар застолья кто-то из числа активно пьющих вдруг резко опрокидывал свой стакан. Тем самым он давал понять сотоварищам, что на сегодня ему хватит. А на их уговоры отвечал следующим образом:

– Даже не просите, да ну его! Хватит! Напешься, как свинья, а к утру получишь «указание сверху» завязать! И что тогда? Как мулла Байрам буду сидеть за коротким столом и смотреть на чай и компот! Нет уж, лучше не нарываться! Видно, наверху сейчас серьезно взялись за нас, за зогаллинцев, – говорил он, указывая пальцем в небеса, в канцелярии которых наконец-то решили урегулировать поведение зогаллинцев. – По чуть-чуть, я думаю, если будем пить, нам, зогаллинцам, разрешат, – говорил он, зазывал к себе «обслуживающего на ногах» и громко заказывал стакан чаю, как бы демонстрируя верхам свою независимость от спиртного.

После двадцати лет независимости республики число боявшихся получить «указание сверху» настолько увеличилось, что сегодня длина «пьющих» и «непьющих» столов в Зогаллы почти одинаковая. Иногда «непьющий» стол по длине даже превосходит «пьющий». Хотя зогаллинцы упорно продолжают называть его «коротким» столом, уважая память недавнего прошлого.

Но мы немного отвлеклись. Одним словом, мулла Байрам, тогда еще просто Байрам, первым из зогаллинцев получивший «указание сверху» завязать со спиртным, с того дня бросил пить. Вначале никто не хотел ему верить. Но когда через месяц после того случая, будучи на чьей-то свадьбе он официально отказался пить и демонстративно сел ближе к выходу, многие пьющие зогаллинцы сильно удивились. Но подумали, что это ненадолго, что Байрам вот-вот вернется обратно к ним. Байрам думал иначе – еще через месяц он стал ездить в Загатальскую мечеть на пятничное служение. Через полгода он купил написанную кириллицей маленькую книжку с сурами из Корана. Со временем его стали приглашать на все деревенские религиозные мероприятия, а через год он уже считался муллой всей деревни.

В первое время многие наивные и недоверчивые зогаллинцы часто спрашивали у муллы Байрама:

– Байрам, а вдруг сверху поступит указание снова начать пить, что тогда ты сделаешь?

Мулла Байрам не терялся и отвечал, что сверху такое указание никогда не поступит, потому что сверху, как правило, поступают запретительные указания.

– А разрешительные? – недоумевали зогаллинцы.

– А всё, что они не запрещают, считается разрешенным, – отвечал им мулла Байрам.

– А если все-таки поступит такое указание? – не отставали зогаллинцы. – Мало ли что, может, по ошибке.

– Тогда, конечно, можно будет и пить, – отвечал мулла Байрам, оставляя место для отступления в случае непредвиденных обстоятельств. – Хотя так, как пил раньше, сейчас навряд ли выпью, – тут же поправлял он себя.

Забегая вперед, надо бы отметить, что на дне рождения Аллаверди-бабы весь вечер мулла Байрам с ревнивой завистью косился в сторону «пьющего» стола, что отчасти являлось подтверждением истинности суждения Кара-дайы о причинах разделения столов.

Давать подробную характеристику сидящим за длинным «пьющим» столом нет надобности. В самом начале стола расположились лицом друг к другу Кара-дайы и Абид-муаллим. А во главе стола посадили дальнего родственника Аллаверди-бабы, учителя русского языка и литературы зогаллинской школы. Учитель считался вторым тамадой в деревне после Кара-дайы. Он был довольно упитанным мужчиной среднего роста и единственным, кто на мероприятие пришел в галстук. Даже Абид-муаллим был без своего знаменитого короткого и широкого галстука.

Галстук учителя, между прочим, был завязан неудачно, даже издали заметна была его чрезмерная длина. По этой причине в течение всего застолья кончик галстука успел побывать во всех глубоких и мелких тарелках, находящихся перед учителем.

Учитель был красноречив. Первым делом он попросил обслуживающих держать наготове керосиновые лампы на случай отключения электричества. Времена были переходные и тяжелые, перебои со светом случались каждый день. Потом он поздравил именинника стихами, пожелал ему, как минимум, еще десять лет жизни и сказал:

– Ближе всех к столетнему рубежу в Зогаллы стоите вы! Так что, Аллаверди-баба, не подведите!

Чтобы старик не расслабился, учитель тут же привел в пример мугалов:

– Абид-муаллим не даст соврать: у мугалов несколько человек, перешедших столетний рубеж. А у нас ни одного. А чем мы хуже них?

– Трое у них, – подсказал Абид-муаллим, не отрываясь от еды.

– У них все долгожители – женщины, – скептически высказался кто-то из сиящих в дальнем углу. – Что вы сравниваете мужчин с женщинами? С женщинами нельзя сравнивать, если даже они мугалки, женщины более живучие, – твердил он, тем самым ставя под сомнение логичность данного сравнения и вычеркивая мугальских женщин из числа долгожителей, которые могли составить конкуренцию Аллаверди-бабе.

– Женщины тоже люди, между прочим, – старшая дочь юбиляра встала на защиту мугальских женщин-долгожителей.

– А мугальские мужчины живут меньше наших! После шестидесяти мрут, как китайцы от свиного гриппа, многие даже до пенсии не дотягивают, – продолжал гость с упорством.

– Пожил бы ты десяток лет с мугалкой, и до сорока не дотянул бы, – вдруг высказался Кара-дайы, повернувшись в сторону того угла, откуда выступал скептик. – Год жизни с мугалкой надо за два считать, как работу на вредном производстве. Поверьте мне, я-то уж точно знаю, что говорю, – разъяснил он причину ранних смертей среди мугальских мужчин.

Разгорелся небольшой спор о том, можно ли считать женщин-долгожителей конкурентами мужчинам или их следует отнести к другой категории долгожителей.

– Тем более мугальских женщин, – не отступал скептик.

Пришлось опять вмешиваться в разговор Кара-дайы:

– Если быть справедливым до конца, женщин тоже надо считать, – сказал он как специалист по мугальским женщинам. – Им тоже живется нелегко.

Многие сочли ответ Кара-дайы завуалированной защитой позиций собственной жены, которая тоже была в преклонном возрасте.

Под воздействием выпитого скептик стал еще агрессивнее:

– А мужчины есть среди мугалов в возрасте Аллаверди-бабы? – посмотрел по сторонам, не найдя ответа, сам же и ответил. – Нет. А я о чем? Нашли с кем сравнивать! – и хотел что-то еще добавить, но учитель перебил его:

– Прав Кара-дайы, дело не в женщинах. Самый возрастной зогаллинец на сегодня – это Аллаверди-баба. Давайте будем его тянуть к столетию!

– Дешевле обойдется, если затынем его в дубовую рошу! – опять из дальнего угла кто-то неудачно пошутил, остальные сделали вид, что не услышали его реплики.

– Человек не провод электрический, чтобы его тянули, – недовольно пробурчал сидевший в углу электрик Ибрагим, будто кто-то вторгся в область его профессиональной деятельности и покусился на незыблемое.

Под смех присутствующих все выпили. Аллаверди-баба за «коротким» столом в знак благодарности хотел даже встать, хотя он не слышал, о чем говорил его родственник-учитель. А когда ему передали пожелание учителя, он принял обиженный вид:

– Еще десять лет? – сказал он. – За что мне такое наказание?

Слова Аллаверди-бабы некоторые присутствующие сочли капризом старого человека, ведь старики в этом, как известно, не уступают детям. А другим показалось, что Аллаверди-баба таким образом пошутил, на самом же деле он не против пожить до ста лет.

Встала старшая дочь Аллаверди-бабы и от имени родни ответила на пожелание. И заверила гостей, что они (то есть ближняя родня Аллаверди-бабы) всё сделают для того, чтобы их отец прожил до ста лет, а то и больше.

– Он у нас молодец, – похвалила она отца, – никогда не пил, не курил, не ругался. Никого в жизни не обидел, никому плохого слова не сказал. За это и Аллах

любит его. Так что наш отец еще будет жить! Сколько наверху сочтут нужным, столько и будет жить. А мы тоже со своей стороны будем следить, чтобы ему не было плохо, и еще лучше будем ухаживать за ним.

Когда она произнесла слова «никого не обидел», присутствующие как по команде повернулись в сторону Кара-дайы, давая ему понять, они всё помнят, а заодно напоминая старшей дочери, что кое-кого всё-таки сегодняшней именинник когда-то обидел, тем более, что этот человек сегодня среди них. Поэтому надо бы поосторожнее выбирать выражения – как говорится, ври, да знай меру. Позже некоторые высказывания старшей дочери Аллаверди-бабы сочли за профессиональную привычку плакальщицы на траурных мероприятиях, где, как известно, в адрес покойника разрешается произносить любые комплименты, точнее, положено говорить о нем только хорошее. Кара-дайы кивком головы поблагодарил всех.

Первый раз свет отключили через час после начала застолья. Что интересно, в Зогаллы всё, что связано с электричеством и светом, вот уже много лет ассоциируется с именем местного электрика Ибрагима. Прозвище ему дали тоже электрическое: в деревне все называют его Фазой Ибрагимом. Прозвище Ибрагим получил благодаря своей работе: он, по утверждению одних зогаллинцев, часто путает фазу с нулем, и за подобную халатность электричество часто наказывает его сильными и не очень сильными ударами тока. Что подтверждается многочисленными следами ожогов на руках Ибрагима.

Иные зогаллинцы в разговорах утверждают обратное: будто Ибрагим на работе путает не фазу с нулем, а нуль с фазой. А по мнению третьих, Ибрагим путает вовсе не фазу с нулем и не нуль с фазой, а фазу и нуль вместе взятые – с землей. Хотя в чем состоит разница, никто из зогаллинцев и сегодня не знает. Сам Ибрагим при подобных утверждениях земляков обычно смеется зычным голосом, как бы давая им понять, что и первые, и вторые, и третьи неправильно трактуют его ошибки.

По мнению Кара-дайы, за легкомысленное отношение к работе и поверхностное знание электрического дела логичнее было дать Ибрагиму прозвище «Нуль» и называть его Нулем Ибрагимом. Но, видимо, зогаллинцы его пожалели, дали более звучное прозвище. Ибрагим не возражал, когда его называли «Фазой», отмахивался азербайджанской народной пословицей: «Посуда, предназначенная для воды, бьется в воде».

Так вот, как только отключили свет, все дружно повернулись в сторону Ибрагима, чтобы узнать причину отключения.

– Я не знаю, даже не спрашивайте! – моментально ответил Ибрагим, – все вопросы туда, наверх, – сказал он, головой указал в сторону Гаха и продолжал есть, как ни в чем не бывало.

– Чтоб тебя нулем шаррахнуло! – в сердцах воскликнул кто-то из гостей, но в темноте хозяина этого проклятия определить было сложно. – Ты хоть что-нибудь на этом свете знаешь, кроме фазы?

– Что мне надо, я всё знаю, так что ешь и за меня не беспокойся! – спокойно ответил Ибрагим, не отрываясь от тарелки.

Шустрые внуки и правнуки Аллаверди-бабы принесли керосиновые лампы, и вечер продолжался при их тусклом свете.

После того, как все пьющие гости по первому кругу поздравили именинника и единогласно обозначили главную задачу, стоящую перед ним – дожить до ста и не меньше – довольная младшая дочь Аллаверди-бабы повела недовольного подобным условием именинника спать. Так долго за столом старик давно не сидел. Дальше праздновали без него.

Тем временем застолье было в самом разгаре, пьющие присутствующие, говоря научным языком, вели жаркие дебаты в секциях, сформировавшихся из сидевших близко друг к другу гостей.

Кара-дайы объяснял своим соседям, почему нельзя сравнивать Аллаверди-бабу с Кёроглу:

– Если каждого усатого мужика будем сравнивать с национальным героем, нас неправильно поймут, – говорил он, не объясняя при этом, кто именно нас неправильно поймет. Но всем и так ясно было, что нас неправильно поймут мугалы, хотя, с другой стороны, когда они нас правильно понимали-то?

– А с кем можно сравнивать простого человека, Кара-дайы?

– Простого человека надо сравнивать с простым человеком! При сравнении надо соблюдать величины сравниваемых, их уровни. Скажем, как можно сравнивать профессора университета, который разбирается в физике, с нашим электриком Ибрагимом? Ну никак! Нашего электрика можно сравнивать с каким-нибудь другим электриком, например, с тем же мугальским электриком. Берем мугальского электрика и сравниваем с Ибрагимом. Что мы видим в сравнении? В сравнении мы видим, что мугальский электрик такой же раздолбай, и он никак не умнее нашего Ибрагима. Почему мы в этом уверены? Да потому что я знаю электрика из мугальской деревни! Руки такие же, как у нашего Ибрагима, в ожогах от ударов тока. Вот кого и с кем можно сравнивать. А то что получается? Человека, который даже в армии не служил, войну не прошел, сравнивают с Кёроглу. Я всегда был против такого сравнения!

– Кара-дайы, так его еще и с Будённым сравнивают, – не отставал учитель. Видно было, что он хорошо знаком с Кара-дайы, и знает, как заставить его открывничать.

– С Будённым? С ним – пожалуйста! Будённый не наш герой! Я за своих отвечаю. За Будённого я не отвечаю! С ненашими героями – с кем хотите, пожалуйста, можно сравнивать, хоть с Чан Кай Ши. Тот тоже был усатым.

...В самом конце «пьющего» стола приехавший на торжество из Баку старший внук Аллаверди-бабы рассказывал землякам о новом японском аппарате, который назывался ксероксом. Оказывается, учреждение, где он работает завхозом, недавно приобрело такой аппарат.

Сидящие рядом с ним земляки, хотя и махали головами в знак согласия с ним, но видно было, что особо не удивлялись рассказанному.

– Сейчас техникой никого не удивишь, – говорил один зогаллинец, – сейчас полно техники всякой.

– Интересно, и деньги можно печатать на этом аппарате? – спрашивал другой.

– Всё можно, – отвечал завхоз, – только вот где возьмешь бумагу для денег. На деньги специальная бумага нужна, – объяснял он.

– Это уж точно, – соглашался задававший вопрос зогаллинец, – будь такая бумага, люди только тем и занимались, что печатали деньги с утра до вечера на твоём аппарате, – наивно рассуждал он.

– Наши вряд ли, но мугалы точно раздобудут бумагу, – говорил третий, – И как начнут печатать, тогда нам будет конец! Скупят нас с корнями! Запомните мои слова!

Тем временем Абид-муаллим стал стучать ложкой по стакану и призывать присутствующих к спокойствию. Когда все успокоились и направили свои взоры в его сторону, он произнес тост, который потом ровно девять лет держал всех зогаллинцев в напряжении.

Скорее, это было даже не тостом, а неким пожеланием и просьбой перед Всевышним. И прозвучало оно так убедительно, будто Абид-муаллим предварительно согласовал его с высшими силами.

Выступление Абид-муаллима получилось глубоко аргументированным. Присутствующим стало ясно, что это не спонтанное решение, а результат долгих раздумий. Абид-муаллим в своем выступлении вышел далеко за рамки своих гражданских полномочий. Мало того, он вторгся в область, которая, как уже отметили, регулируется сверху:

– Наша республика давно славится своими долгожителями. – Абид-муаллим начал издали. – В нашем Гахском районе их тоже немало. Я специально изучал статистику по всем деревням. Кроме Зогаллы, везде есть долгожители, которые перешагнули столетний рубеж. О мугалах я молчу – у них таковых аж трое. Поэтому и мы должны стараться, чтобы сегодняшней наш именинник тоже прожил, как минимум, сто лет.

– Кто ему мешает, пусть живет, – крикнули из дальнего угла.

Присутствующие засмеялись. Но Абид-муаллиму было не до смеха:

– Но я не об этом. В том, что Аллаверди-баба проживет сто лет, у меня нет сомнений. Не один еще год он будет угощать нас ранними огурцами.

– При чем тут огурцы? – сидящий в дальнем углу не успокаивался.

– Вот именно, огурцы тут ни при чем, – продолжил Абид-муаллим, – я о другом.

– Давайте уж, не тяните, – тот же голос поторопил Абид-муаллима.

– Благороднее и добрее Аллаверди-бабы я в своей жизни не встречал никого, – перешел наконец-то Абид-муаллим к сути своего выступления. – Вот сижу я сегодня и думаю: если на том свете действительно есть рай, то Аллаверди-баба, когда завершит свою земную жизнь, обязательно попадет туда! Не сейчас, нет, после ста лет. О себе я не могу такого утверждать, а насчет него почему-то уверен: он будет в раю! Или я не прав, мулла Байрам? – повернулся Абид-муаллим в сторону муллы Байрама.

– Больше Абид-муаллиму не наливайте, – не успокаивался тот же голос, но его шутку никто не оценил, все гости замолкли в ожидании ответа муллы Байрама. Мулла Байрам, хотя и читал отдельные суры из Корана, все еще не считался его знатоком, поэтому для многих вопрос Абид-муаллима показался несвоевременным. Тем не менее, ответ муллы Байрама развеселил многих:

– В чем состоит наша задача, задача мулл? Она состоит в том, чтобы просвещать людей, объяснять им все глубинные тонкости ислама. Это раз. А во-вторых, когда человек покидает наш мир, мы помогаем хоронить покойного достойно, по правилам шариата: помыть его, завернуть в кафан, зачитать молитву, положить на кладбище в могилу, закопать его и вернуться. На этом наша работа, работа мулл, заканчивается. Что с покойником делается после захоронения – это не наша задача. Дальше другие рассматривают, куда покойного направить – в рай или в ад! Мы, естественно, в своих молитвах просим простить покойнику все совершенные им при жизни грехи и по возможности определить его в рай! А там, кто его знает, как распределяют, – сказал мулла Байрам, и сидящим стало ясно, что он тоже не знает, каким образом на том свете распределяют покойников в рай и в ад.

– А вот, мулла Байрам, скажи, пожалуйста, есть ли какой-то список требований к простому человеку, который рождается и живет в этом мире, при беспрекословном выполнении которых в том мире он обязательно попадает в рай?

Наступила тишина. Мулла Байрам полистал свою небольшую книгу:

– Да какие могут быть требования? – не найдя ответа, удивился он. – В первую очередь надо быть человеком. Не воровать, не убивать, делиться с бедными.

– Кто бы с нами поделился, – недовольно пробурчал тот же голос из дальнего угла.

– Это мы знаем, мулла Байрам. Никто из нас не ворует и не убивает. Но может, все-таки имеется полный список требований?

Тот пожал плечами:

– В этой книге, которая всегда при мне, которую я уже выучил, я не встретил таких требований. Может, и есть, я не знаю. В пятницу в Загатале могу у главного муллы спросить, узнать.

– Узнайте, мулла Байрам, если есть, напишите на бумаге, мы перепишем и раздадим людям. Пусть придерживаются, если хотят в рай.

– Зачем переписывать, – прокричал подвыпивший старший внук Аллаверди-бабы. – Заберу список, отксерю на аппарате, сколько вам надо, и передам. Один экземпляр себе оставлю.

– И так можно, – согласились зогаллинцы. – С другой стороны, когда от руки переписываешь, хорошо запоминается. Дело-то ответственное.

Абид-муаллим, подняв левую руку вверх, ждал, пока все успокоятся. Когда сидящие определились с задачей, поставленной перед муллой Байрамом, они наконец-то угомонились, и он спокойно продолжил:

– Я тоже думаю, что должен быть такой список. Коммунисты в свое время всё прятали от народа! Этот список тоже, наверное, они спрятали! Сегодня, я думаю, можно всё обнародовать. Так что, мулла Байрам, если есть такое, вы уж привезите. Люди должны знать, как надо жить по шариату.

– Если на самом деле имеется подобное, в пятницу обязательно захвачу, – сказал мулла Байрам.

– Но я хочу вернуться к Аллаверди-бабе, – продолжил Абид-муаллим. – Каким бы длинным ни был список требований, а я уверен, что этот список – длинный, наш сегодняшний именинник соблюдал все пункты и обязательно будет в раю!

Опять по рядам пошли недовольные возгласы, мол, нехорошо как-то получается рассуждать о посмертной жизни человека, когда он жив и здоров, тем более, что сегодня отмечают его юбилей и пьют за его здоровье. При этом все согласились с мнением Абид-муаллима о том, что на сегодняшний день Аллаверди-баба – единственный кандидат среди зогаллинцев на попадание в рай:

– Если не он, то кто тогда? – риторически спросил Абид-муаллим.

Тут сидящие подозрительно осмотрели друг друга, каждый в своем соседе ментально увидел столько грехов, что того не то что в рай, в ад и то приняли бы лишь при наличии положительной характеристики. Поэтому, не найдя других кандидатов в рай, опять повернулись в сторону Абид-муаллима. Тот был уверен в своем предположении:

– Прямиком в рай пойдет, – рукой показал он в сторону дубовой рощи, где под многолетними могучими деревьями покоилось не одно поколение зогаллинцев.

– А если по дороге свернет? – попытался кто-то пошутить.

– Не дадут, – ответили ему, – там за этим делом следят, будь здоров!

– Действительно, если не он, то кто тогда? – далеко за полночь согласились все приглашенные и стали расходиться. На выходе со двора, напоследок развеселив всех, споткнувшись, упал Фаза Ибрагим. Тем самым, как профессионал, он взял на себя все возможные последствия ходьбы ночью в неосвещенных местах.

– Меньше надо было пить, – посмеялись от души остальные. – Ходить по земле – это тебе не по столбам лазить.

***

Через неделю мулла Байрам вернулся из Загатылы без списка требований к жизни правоверного мусульманина, при соблюдении которых тот, возможно, попадет в рай. Но он вернулся не с пустыми руками. Мулла Байрам привез много информации о последующей вечной жизни после смерти – в раю и в аду. Ад зогаллинцы отвергли сразу: никто из них не был готов после смерти пройти его семь кругов, снабженных орудиями пыток и другими средствами для истязания грешников.

– Да ну его! – сказали они мулле Байраму, чуть было не обидевшись от него.

– Так это еще не всё, – сказал мулла Байрам и продолжил пугать земляков. – А огонь, а котлы с кипящей смолой? Щипцы для вырывания мяса из тела? Кроме этого, там всех грешников на растерзание бросают ядовитым скорпионам, змеям и всевозможным чудовищам.

– Нет, нет! Это не для нас! Какие мы грешники? Мугалов надо туда, и всё, – заявили зогаллинцы.

А вот условия в раю во всём устраивали зогаллинцев. По рассказам муллы Байрама получалось, что рай – это чудесный оазис, с его прохладой, с чистой и холодной водой. Примерно как у нас в Зогаллы, говорил он, но еще лучше. Зелени и фруктов в раю, оказывается, тоже не меньше, чем в Зогаллы. Но больше всего зогаллинцам в раю понравилось, что там в изобилии не только вкусная еда. Там реки, текущие молоком, медом. И там реки, текущие вином!

– Вот это уже по-нашему, – радостно потирали руки зогаллинцы. – Нам как раз туда и надо. Без вина нам тяжело. А мугалов – в ад! Они и в этой жизни не любят пить вино, а в той жизни тем паче им не надо!

Наличию вина в раю мулла Байрам радовался не меньше простых зогаллинцев – видно, в душе тоже рассчитывал попасть туда.

Одним словом, критически оценив свою земную жизнь, зогаллинцы решили, что первым из ныне живущих должен отправиться в рай Аллаверди-баба. А перед ним, как известно, стояла задача прожить, как минимум, сто лет. Только после этого его ждал рай!

***

Первые пять лет пролетели настолько быстро, что по предложению Абид-муаллима решили не отмечать девяностопятилетие старика.

– От дурного глаза подальше, – объяснял он свое решение дочерям и внукам Аллаверди-бабы. – А то еще сглазят. Нам бы еще пять лет продержаться, а там – сколько Аллах даст. Столетие отметим, как положено!

Родня согласилась с Абид-муаллимом, хотя изначально была настроена на юбилей.

Еще три года прошли незаметно. На девяносто девятом году жизни Аллаверди-баба резко сдал. Ему вдруг надоело жить. Он не хотел жить, и всё! И ближе к весне он окончательно слег. Дочери, внуки и правнуки старались, как могли. Аллаверди-баба капризничал, как ребенок, в иные дни вовсе отказывался есть – бывало, днями ничего не ел. Несмотря на это, гахские врачи порекомендовали посадить старика на строгую диету.

– Какая еще диета? – возмущался Абид-муаллим. – Он и так ничего не ест!

Дочери и внуки доставали всевозможные лекарства. Абид-муаллим проводывал старика почти каждый день.

Но беда пришла совсем не с той стороны, с которой все её ждали. В апреле неожиданно скончался сам Абид-муаллим, который больше всех настаивал на том, чтобы старик прожил, как минимум, сто лет. Смерть Абид-муаллима, как и вся его жизнь, получилась очень благородной: он вечером лег спать, а утром не проснулся.

Дочери не хотели говорить Аллаверди-бабе о смерти Абид-муаллима. Через неделю, обеспокоенный долгим отсутствием Абид-муаллима, старик заговорил:

– Абид мне снился. Я, говорил он мне во сне, уезжаю, а вы, Аллаверди-баба, не спешите. Вам надо до ста прожить. Куда он уезжал, не говорил, – произнес старик и замолк.

Затаив дыхание, замолкли и дочери, сидящие у изголовья отца.

– Абида видеть хочу! – резко приказал старик. – Почему он не проводывает меня?

Старшая дочь решила обмануть отца:

– В Баку он уехал, по делам. Как вернется, скажем, зайдет.

Старик тихо сказал:

– Как приедет, пусть заглянет. У меня к нему вопрос имеется.

– Хорошо, деде (*азерб. батюшка – Ред.*), обязательно скажем.

Таким образом, в доме было решено пока не говорить старику о смерти Абидмуаллима.

Но всё испортил Кара-дайы...

***

Как мы уже говорили, в последние годы жена и дочери Кара-дайы категорически запрещали ему пить и отказывались обслуживать его и гостей, если он собирался принести на стол спиртное из подвала. Несмотря на запрет, Кара-дайы исправно продолжал изготавливать в течение года всевозможные домашние напитки. Плодами его труда сполна пользовались зятья, друзья зятьев, внуки со своими друзьями. Только когда я бывал у него в гостях, близкие Кара-дайы спокойно переносили наличие спиртного на столе. Как-то он даже жаловался, что редко стал я приезжать, весь подвал забит спиртным.

– Не с кем пить, – жаловался Кара-дайы, – одни померли, другие записались в муллы. Сейчас в Зогаллы одни муллы. Камень, брошенный в собаку, находит муллу, – образно выражался он, намекая на непомерно возросшее количество правоверных. – Всем хочется в рай! – смеялся он.

– А вам, Кара-дайы, в рай не хочется? – нерешительно спросил я.

– Так как они утверждают, по их условиям мне рай не светит.

– Кто «они», Кара-дайы?

– Муллы наши, кто еще. По словам муллы Байрама, пьющим в земной жизни до рога в рай запрещена. Если на самом деле так, значит, мне рай не положен. По другим показателям у меня неплохой послужной список. Вырос сиротой, десять лет воевал, освобождал Европу от фашистов. Никому плохого не делал. Везде, во всех зогаллинских мероприятиях участвовал. Неужели не зачтется? – с надеждой на положительный ответ смотрел он на меня.

– Наверное, зачтется, – подбадривал я его. – Десять лет войны перекроют любые ваши грехи, – смеялся при этом я.

– А грехов-то у меня и нет! – обиделся Кара-дайы. – Если не считать вот это, – указал он на содержимое бутылки, стоявшей на столе. – Какой это грех, если после него я не ругаюсь ни с кем, никого не оскорбляю. Да ну их! Наливай, что будет, то будет! – махнул тогда он рукой, посчитав свою ситуацию, видимо, безнадежной.

***

Как в тот день жене Кара-дайы удалось уговорить мужа, никто не знает. Еще с утра она сказала, что сегодня ему надо непременно проведать Аллаверди-бабу. Потому что состояние того, якобы, не внушает доверия. Еще с зимы, оказывается, родня определила теленка на непредвиденные обстоятельства и привязала его к стойке.

Кара-дайы не хотел идти к нему. Тем более, в тот день. Настроение у него с утра было скверное. И он, чтобы поднять его, прошелся и «проверил» тайники, которые находились в скотном сарае. Ему хотелось лечь перед обедом и отдохнуть часочек, – таков был его распорядок дня в последние годы. Когда он закончил их обход, его нос ярким пятачком светился в темноте. И поднял себе настроение Кара-дайы. Но когда Кара-дайы в искусственно поднятом настроении, он может наговорить такое...

Почувствовавшая к старости лет сладость управления жена Кара-дайы продолжала приставать:

– Что ты с утра ходишь по углам? Человек умирает, а ты ни разу не проведаль его. У тебя совесть есть? Что люди подумают, что народ скажет? Ты о себе подумал? Будешь умирать, никто не откроет твою дверь!

Кара-дайы всё равно не хотел идти. А жена даже не думала останавливаться и перешла на проклятия, чем часто пользуются женщины в Зогаллы в таких случаях:

– Чтобы тебя в один день с Аллаверди-бабой положили в могилу, раз ты такой упертый и не хочешь идти проведать его!

Кара-дайы надеялся, что жена, как всегда, побурчит и успокоится, поэтому не отвечал ей. Минут через пять Кара-дайы показалась, что она на самом деле успокоилась:

– Говорят, до ста не дотянет, – сказала жена Кара-дайы, будто не она прокляла мужа пять минут назад

– Кёроглу дотянет, посмотришь, – пошутил Кара-дайы, поддержав разговор, – а вот мы с тобой – навряд ли.

К сожалению, шутка не удалась, жена Кара-дайы тут же выдала:

– С такой жизнью с тобой я хоть сегодня готова уйти, – ни с того, ни с сего разразилась она. – Семьдесят лет посвятила тебе, кроме насмешек и оскорблений ничего не видела.

Какой нормальный мужчина перенесет такие упреки, скажите, пожалуйста, люди добрые? Тем более, если это Кара-дайы, который в то время находился под усиленной обработкой шайтана:

– Это ты посвятила мне семьдесят лет жизни? Бессовестная твоя душа. Да ты радуйся, что в молодости по дурости я женился на тебе! А то сидеть бы тебе вечно в девках в своей мугальской дыре! На всё готовое пришла и еще недовольна жизнью! Всю вашу неблагодарную мугальскую фамилию чтоб я! Анас-сыны! – выругался Кара-дайы.

Только после последних слов Кара-дайы (подобные высказывания всегда отрезвляюще действуют на мугалов) его жена почувствовала, что зря затеяла ссору в очередной раз и молча уползла в кухню, пристроенную к боковой стороне дома. Кара-дайы еще долго не мог успокоиться, к тому же и спиртное давало о себе знать.

– Посвятила! Нет еще, жизнь за меня отдала. Это только я мог семьдесят лет смотреть на твое мурдаширское лицо и терпеть. Другой бы на второй день сбежал!

Справедливости ради, отчасти Кара-дайы где-то был прав. С годами обожженное в детстве в горячем тандире лицо жены Кара-дайы все больше становилось похожим на лица героев фильмов ужаса. Но с другой стороны, и его жене в течение тоже семидесяти лет (в разговорах на любую тему, касающихся их совместной жизни, Кара-дайы и его жена никогда не высчитывали те десять лет раздельной жизни, когда Кара-дайы воевал на фронте) приходилось смотреть на не менее черное мурдаширское лицо своего мужа.

В итоге получилось, что жена Кара-дайы все-таки уговорила его – он неохотно направился на улицу. На выходе, в скотном дворе Кара-дайы грязно выругал телят, опрокинувших ведро с водой, предназначенное для них же:

– Сосите сейчас друг у друга, когда захотите пить, не буду я вам больше набирать воду, – крикнул он в их сторону, будто таким шайтанским способом можно утолить жажду. И только после этого Кара-дайы медленно вышел со двора и направился в сторону дома Аллаверди-бабы проведать его. Он чувствовал, что шайтан его, как ребенка, ведет за руку, но противиться не мог

Лучше бы не слушал Кара-дайы тогда свою жену. Умер бы себе старик Аллаверди-баба в девяностодевятилетнем возрасте, не дожив ровно один год до ста. И похоронили бы его, как хоронят всех почтенных стариков в Зогаллы, и всё. А так остался какой-то не очень хороший и даже мутный осадок в душе Кара-дайы от последней встречи с Аллаверди-бабой. День последней встречи Кара-дайы с Аллаверди-бабой можно считать днем самого массированного влияния на него шайтана, после которого он частично потерял контроль над собой и наговорил много неприятного умирающему Аллаверди-бабе.

Возле магазина Кара-дайы поздоровался с зогаллинскими бездельниками, которые каждый день с утра и до глубокой ночи играли в нарды.

– Ассаламалейкум, – произнес Кара-дайы и остановился.

– Ассаламалейкум, Кара-дайы, – хором ответили игроки и болельщики.

– Нос по ветру держите, Кара-дайы! Пусть проветрится, а то сгорит совсем! – пошутил кто-то. Возраст делал свое дело, в последние годы нос Кара-дайы краснел после первой же стопки.

– Вы о моем носе не беспокойтесь, я его всегда держу по ветру! – ответил Кара-дайы. – Вы лучше свои задницы берегите, а то, увлекшись нардами, не заметите, как заработаете геморрой, – пошутил и Кара-дайы.

Один из нардистов предложил Кара-дайы сыграть с ним на спор:

– Кара-дайы, может, сыграем в нарды на два литра вина?

– С тобой сыграешь, весь подвал проиграешь, – отшутился Кара-дайы, не стал больше задерживаться и пошел дальше.

На остановке автобуса он свернул налево, стал спускаться вниз.

В каких раздумьях Кара-дайы зашел во двор Аллаверди-бабы, сегодня он не помнит. Помнит одно: когда открыл калитку двора, залаяла посаженная на цепь собака, и стоявшая на веранде старшая дочь Аллаверди-бабы узнала его:

– Проходите, Кара-дайы, проходите. Собака привязана, не бойтесь, – крикнула она.

Возле ступенек они поздоровались, и повела она Кара-дайы к кровати отца, которая стояла в дальнем углу большой веранды.

– С утра жалуется, что в глазах ему темнится, – по дороге в двух словах рассказала она о состоянии отца. – Ничего не хочет есть.

Аллаверди-баба лежал с закрытыми глазами. Его большие усы, которыми он так гордился, потеряв прежний блеск, безжизненно лежали на исхудавшем лице.

– Деде, деде, как себя чувствуешь? – дочка стала будить отца,

– Темно в глазах, – тихо ответил старик.

– Деде, открой глаза, посмотри, кто пришел проведать тебя! Кара-дайы пришел.

Старик не ответил, только движением маленькой головы дал понять, что узнал пришедшего.

– Вы посидите, я сейчас, – сказала дочь Аллаверди-бабы и, топя толстыми ногами, пошла в сторону кухни.

В Зогаллы обязательно постоянное присутствие у постели тяжелобольного и умирающего человека: по мнению зогаллинцев, оно имеет успокаивающее действие. Считается, что если оставить больного одного, он будет чувствовать себя в изоляции. Умирающий больной должен чувствовать себя защищенным, поэтому присутствующий у постели старается спрашивать и слушать больного, и понять, что чувствует он. Близкие больного обязательно должны быть готовы помочь ему доделать земные дела, а также обещать исполнить его последнюю волю, если тот сам не успел что-то сделать.

Таковы законы Зогаллы. Кара-дайы сел на стульчик возле головы Аллаверди-бабы. Он отчетливо видел по его лицу, что Аллаверди-баба доживает свою земную жизнь. Хотя они никогда не были даже близкими товарищами, проживая столько лет в одной деревне, Кара-дайы почему-то стало жалко старика, понимая, что тот покидает этот свет. И вдруг перед глазами Кара-дайы потемнело – то ли от выпитого, то ли от дневной жары – и он закрыл глаза. Тут же перед ним, как на карте, нарисовалась дорога, по которой Аллаверди-бабу будут нести хоронить из дома в дубовую рощу. Моментально рядом с ним появился шайтан и, смеясь, подсказал Кара-дайы, что дорога к вечности, ведущая из деревни в дубовую рощу, у него самого с Аллаверди-бабой будет одинаковой.

«Тебя так же понесут, Кара, – сказал ему шайтан. – Но там, в дубовой роще, обязательно разойдетесь. Там вас разведут», – твердил он.

«Как разведут?» – не понял Кара-дайы.

«Аллаверди-бабу в рай, а тебя, Кара, в другую сторону».

«Куда в другую сторону? Назад, что ли? – недоумевал Кара-дайы.

«Назад, назад», – смеялся шайтан.

Шайтан так отвратительно смеялся, что, будь у Кара-дайы под рукой ведро воды с кипятком, вылил бы ему на голову, чтобы он ошпарился и заглох.

«Никто оттуда назад еще не вернулся, тоже мне, сгинь!» – выгнал Кара-дайы шайтана, но еще минуты две-три был слышен его смех.

Изгнав шайтана, он открыл глаза. Было светло, Аллаверди-баба лежал рядом неподвижно. Кара-дайы знал, что больные в предчувствии смерти всегда нуждаются в телесном контакте с близкими людьми. За свою долгую жизнь он помнил много случаев, когда больные просили взять их за руку, положить руку на лоб, обнять их.

Кара-дайы непроизвольно взял свисающую с кровати тонкую руку Аллаверди-бабы, положил себе на колено и другой рукой легкими движениями пальцев стал массировать ладонь и запястье Аллаверди-бабы. Со стороны даже казалось, что Кара-дайы нащупывает пульс у больного. Худые, скрюченные пальцы Аллаверди-бабы напоминали высохшие ветки грушевого дерева.

Дочь Аллаверди-бабы тем временем вернулась с чаем для Кара-дайы.

– Деде, открой глаза, посмотри, кто пришел проведать тебя, – повторила она свою просьбу отцу. – Кара-дайы пришел, – и тут же ушла.

И старик неожиданно заговорил:

– От того, что Кара пришел проведать меня, в моих глазах светлее не станет. Открою глаза, увижу его, боюсь, как бы больше не потемнело.

Кара-дайы чуть не вскочил со стула, услышав эти слова. Он даже уронил руку Аллаверди-бабы, рука сползла вниз, слегка ударилась об пол и повисла. Кара-дайы можно было понять: разве такой ответ подобает мудрому старику, а? Если даже он доживает последние дни. Тем более, в разговоре с Кара-дайы. Нет, это было слишком. Жалость к умирающему Аллаверди-бабе, которая только-только пробивалась в душу Кара-дайы, моментально улетучилась и сменилась ненавистью к нему. Больше ничто не могло удержать Кара-дайы от вольной трактовки ситуации. Он посчитал себя свободным в дальнейшем поведении, хотя ради приличия пока сдерживал себя:

«На что же он намекает, этот самозванный Кёроглу?» – подумал при этом Кара-дайы. А тут еще и шайтан вернулся:

«Давай, Кара, врежь ему», – подталкивал он Кара-дайы к действиям.

Чуть позже, видимо, Аллаверди-баба попытался исправить свою ошибку:

– Кара, ты прости меня, помнишь, в детстве я скрутил тебе ухо?

Но было уже поздно. Кара-дайы был заведен.

«За кого он тебя считает?» – говорил шайтан.

«Он точно достанет меня», – подумал Кара-дайы, хотел резко ответить умирающему старику, но осилил-таки себя:

– Стоит ли старое вспоминать? – ответил он, еле сдерживая себя.

– Нет, ты прости меня, Кара, – медленно произнес старик.

– Считаю, что простил, Аллаверди, – ответил Кара-дайы, а сам в ярости закусил губу.

«Ну и дурак», – опять посмеялся шайтан.

– Я всё ждал, когда ты придешь, чтобы извиниться. А то, не дай Аллах, помер бы, не извинившись перед тобой.

Кара-дайы не хотел принимать никаких извинений!

«Тоже мне, ангелочек, – думал он, – тогда надо было об этом думать, когда чуть было не оторвал ухо ребенку».

– Ты опять выпивший, да, Кара? – спросил Аллаверди-баба.

Услышав слово «выпивший», шайтан насторожился, ушел в сторону и промолчал.

«Тебе-то какое дело, а? – думал Кара-дайы. – Выпивший, не выпивший», – но ответил, сдерживаясь из последних сил:

– Гости были, по-другому у меня не получается, сам знаешь.

– И не боишься ты, Кара?

– Поздно уже бояться...

– Отец твой тоже много пил, Аллах рахмат эласин, – замолк старик.

Каждое слово Аллаверди-бабы, с таким трудом выговариваемое им, выводило Кара-дайы из себя.

«Извини, Кара, что я тебе ухо скрутил в детстве». – Тоже мне, предсмертное признание, в рай, наверное, хочет попасть, – дальше завелся Кара-дайы с помощью шайтана. – «Извини, Кара». Надо было скрутить тебе яйца после войны, и знал бы ты тогда, как Кара тебя извиняет! А то восемьдесят лет ждал, чтобы извиниться! Тоже мне, герой! Особого ума не надо – скрутить ухо ребенку!»

И без шайтанских проделок было очевидно, что Кара-дайы прав по сути, совершенно прав. Если вы умираете, так умирайте спокойно, ай, Аллаверди-баба! Зачем старое ворошить? Вы же должны знать, что Кара-дайы не переносит воспоминаний о детстве.

Шайтан молчал, замолк и Аллаверди-баба.

Кара-дайы держался из последних сил, он хотел подняться и уйти, чтобы не говорить лишнего.

Но, с одной стороны, оставлять умирающего Аллаверди-бабу одного было нечестно, а с другой стороны, что-то заставляло его и дальше сидеть у постели больного, видимо, всё-таки шайтан ему не давал уходить.

«Сиди, – видимо, говорил шайтан, – все еще впереди».

– Абид давно не заходит. Говорят, в Баку поехал. Добром ли? – опять заговорил старик.

Вот тут лучше бы он молчал, зря он это спросил, зря.

Потому что дальше Кара-дайы себя не контролировал, к тому же тут и шайтан подсказал: «Врежь ему правду, давай, Кара!»

– Ага! Поехал! Только не в Баку, а в дубовую рощу он поехал!

– Какую дубовую рощу? – тихо спросил старик и открыл глаза.

– В нашу, – спокойно ответил Кара-дайы. – Поехал тебя встречать! Ждет он там тебя. Так что не тяни!

– Кого встречать? Ничего не пойму.

– А что тут понимать. Умер Абид-муаллим восемь дней назад.

– Как умер? – старик не поверил словам Кара-дайы.

– Как умер? Спокойно он умер! Вечером лег, утром не проснулся! Не то что ты!

Сто лет живешь на этом свете, так и не научился по-человечески умереть! Всё тянешь и тянешь!

– Он же еще молодой был, – произнес старик и закрыл глаза.

Кара-дайы только сейчас понял, что дочери, видимо, скрывали от отца смерть Абид-муаллима, что зря он проговорился. И в какой-то момент он даже пожалел об этом и готов был пожурить себя, как старого разведчика, необдуманно выдавшего бережно охраняемую членами этой семьи тайну.

Но тут старик открыл глаза и выпалил:

– А ты, Кара, злой человек!

Кара-дайы моментально вернул себя с дороги покаяния: он привстал со стула, отошел на шаг назад, стал ближе к ногам Аллаверди-бабы, чтобы видеть его глаза, и чуть ли не с криком спросил у него:

– Это я злой, да?! Это я, значит, отрывал ребенку-сироте уши, зная, что никто за него не заступится, да? Подобно чабану, который купирует уши недельному от роду беспомощному щенку?

После монолога Кара-дайы вернулся на исходное место, сел на стульчик и добавил:

– Я всё помню.

Старик на последнем вздохе тихо спросил:

– Ты для этого пришел, да, Кара? Позови Санам.

Звать Санам Кара-дайы не пришлось, она будто ждала этих слов отца. Открылась дверь веранды, и старшая дочь Аллаверди-бабы стала топтать к кровати. Кара-дайы встал, проговорил дежурную фразу, какую в таких случаях говорят зогаллинцы:

– Да будет Аллах тебе помощником, Аллаверди. Пусть он ниспошлет лекарства твоим болезням.

Аллаверди-баба не ответил, Кара-дайы медленно стал отходить от кровати больного. Шайтан его ждал внизу.

– Да вы даже чай не пили, – произнесла дочь Аллаверди-бабы.

***

На следующий день с утра старику стало еще хуже, и он стал потеть. Пришлось отправить машину в Загаталу за доктором, у которого имелся переносной аппарат для электрокардиограммы. Электрокардиограмма в одно время как-то неожиданно вошла в число обязательных медицинских процедур по диагностированию тяжелобольных, и в Зогаллы она стала считаться необходимой проверкой больного перед смертью. Что интересно, доктора с этим аппаратом в Зогаллы привозили ко всем больным, чем бы они ни болели. Но самое интересное заключалось в том, что электрокардиограммой завершалась не только диагностика, но и лечение больного. Хотя логичнее было начинать лечение с электрокардиограммы. Разве зогаллинцев поймешь? Этот маленький аппарат, стуча, на глазах изумленных зогаллинцев на тонкой бумаге выдавал не только электрокардиограмму сердца, но и последний вердикт.

Чтобы уточнить состояние безнадежно больного, зогаллинцы между собой говорили:

– Кардиограмма тоже неважная. На всё воля Аллаха!

Бывало, что электрокардиограмма рисовала довольно обнадеживающие зигзаги работы сердца зогаллинского больного, но на следующий день он все-таки умирал от отказа почек или от цирроза печени. В подобных случаях показания электрокардиограммы впоследствии являлись своеобразным утешением для близких больного:

– Сердце у него работало, как у спортсмена, – вспоминали родные покойного, – если бы почки не подвели, жить бы ему до ста лет.

Или:

– Сердце у него било, как новозаведенные часы – тик-так, тик-так. Что толку, печень оказалась слабой.

И в этот раз вся родня Аллаверди-бабы собралась вокруг больного на консилиум и стала ждать, что выдаст маленький аппарат загатальского доктора. Аппарат сперва вообще молчал, потом пыхтел с полминуты и, к всеобщему разочарованию, начал выплевывать ленту с почти прямой линией по центру с небольшими отклонениями, подобно линии, которую обычно проводит первоклассник с помощью линейки в своей школьной тетради.

Качал головой доктор, качали головами многочисленные представители родни.

– На всё воля Аллаха, – сказал доктор и стал закручивать провода аппарата и складывать в сумку.

Дочери готовы были в тот же час начать оплакивать отца, но отец еще дышал. Поэтому пришлось отложить и это малоприятное мероприятие. К тому же старику вдруг захотелось супа – любимого фасолевого супа зогаллинцев. Вечером он открыл глаза и медленно произнес:

– Завтра на обед приготовьте суп из мелкой фасоли.

Дочери на радостях ответили:

– Хоть из мелкой, хоть из крупной! Из какой прикажешь, из такой приготовим.

– Не дожидаясь завтрашнего дня, с вечера приготовили суп.

Между прочим, позже, когда об этой неосуществленной предсмертной просьбе старика рассказали Кара-дайы, тот, не раздумывая, выпалил:

– Хорошо, что не успел поесть, а то на прощание наградил бы он нас еще и артиллерийским огнем, – имея в виду «расслабляющие» свойства фасолевого супа.

А умер Аллаверди-баба на следующий день под утро, когда дежурившие рядом дочери не выдержали и заснули.

Первой проснулась младшая дочь и подняла такой вой, будто умер не столетний старик, а роту молодых солдат уничтожило перекрестным огнем у нее на глазах. Заодно она разбудила и старших сестер, которые по части причитания ни в чем не уступали младшей.

Похороны «великовозрастных» людей, какими бы они ни были при жизни уважаемыми, в Зогаллы, как правило, проходят спокойно, без лишних криков и плача близких и родственников. Смерть старых людей зогаллинцами воспринимается спокойнее и сдержаннее. Потому процесс оплакивания длится недолго и носит чисто символический характер. Провожая в последний путь прожившего достаточно лет человека, зогаллинцы больше думают о достойных поминках, нежели о самом событии.

Но на этот раз не тут-то было. Проснувшиеся дочери с таким криком побежали к мулле Байраму, что напугали не только его, но и его жену. Благо, тот жил по соседству, явился моментально и прочел над покойным молитву *кялмейи-шаадет* (исповедание веры).

С утра пошел небольшой дождь, позже дочери во время оплакивания ссылались и на это природное явление. В Зогаллы любое природное явление, которое случается в день похорон, будь это шквальный ветер или морозящий дождь, снег или даже град, плакальщицами трактуется в пользу умершего. Считается, что даже природа встревожилась этой вестью и свою грусть выразила в виде дождя или снега.

Начало процесса оплакивания было классическим: судя по причитаниям, смерть Аллаверди-бабы оплакивали высокие и могучие горы, по нему ревело небо, плакали облака. Обращение к горам во время душевных страданий и невосполнимых потерь в Зогаллы обязательно, считается, что горы обладают особой способностью доставить горе ко Всевышнему, оповестить его о случившемся.

Дальше тоже всё шло по общепринятому сценарию:

– На кого ты нас оставляешь, деде? – спрашивали у мертвеца и хором плакали дочери.

Деде, естественно, не отвечал, на кого он оставляет своих дочерей, как бы давая им возможность самим догадаться, на кого он их всё-таки оставляет. Но дочери не думали догадываться, поэтому с упорством, присущим только им, в течение получаса пытали мертвеца этим вопросом, а привычные к подобным причитаниям зогаллинцы молча сочувствовали. Но когда через полчаса, уткнувшись носом в грудь покойного отца, старшая дочь Санам в очередной раз спросила у отца:

– На кого? – кто-то из присутствующих на похоронах зогаллинцев не выдержал и прокричал из толпы:

– Видишь, не отвечает, не мучь старика! – народ развеселился, и, как ни странно, дочери больше не стали с этим вопросом приставать к покойнику.

Но лучше не стало. Со временем процесс оплакивания в исполнении дочерей покойного Аллаверди-бабы, на радость присутствующих, превратился в концерт. Пока народу было мало, плач у них был обычным, а ближе к обеду, когда зогаллинцы заполнили весь двор, плач дочерей принял душераздирающую форму. Что интересно, несмотря на все их старания, прибывшие на похороны зогаллинцы почему-то не хотели их поддержать и хотя бы ради приличия пустить слезу.

Особенно при этом старалась старшая дочь. Не найдя слов, доводящих собравшихся до слез, она начала рыдать с причитаниями, которые привели зогаллинцев в настоящий восторг:

– Еще не остыл в большой кастрюле заказанный тобой фасолевый суп! Даже суп из мелкой фасоли не успел поесть, голодный ушел, бедный отец, как нам пережить это горе? – плакала она под насмешки зогаллинцев.

Между прочим, вот уже сколько лет прошло после смерти Аллаверди-бабы, а его дочери и сегодня при упоминании имени отца обязательно вспоминают о том, что их отец умер, так и не поев заказанный им суп из мелкой фасоли.

Младшие дочери рыдали с неменьшим энтузиазмом.

– Бедный деде, – говорила вторая дочь, – всего один год не дожил до ста, ушел молодым. Неужели Аллах счел этот год лишним?

Зогаллинцев тяжело было удержать от смеха.

Третья дочь быстро сообразила, что не стоит придирается к Аллаху, она тут же исправила ошибку второй:

– Чтобы я стала жертвой Аллаха! Он любил тебя, деде! И все знают, что забереет он тебя к себе, в рай! Место твое в раю, отец, только в раю!

Самое интересное началось чуть позже, когда инициативу опять взяла в свои руки, точнее, на свой язык, старшая дочь Санам, не к месту вспомнив, чем увлекался старик при жизни:

– Огурцы он у нас любил, огурцы! Чтобы лопнули мои бока, как он любил огурцы!

Младшие подхватили клич старшей сестры и хором кричали:

– Огурцы, народ, огурцы!

Если бы не мулла Байрам, неизвестно, как долго они вспоминали бы огурцы покойного отца. Мулла Байрам под смех присутствующих приблизился к старшей дочери Аллаверди-бабы и попросил ее:

– Санам, перестаньте про огурцы, неудобно перед людьми, смеются.

По указанию мoulлы Байрама дети наконец-то утащили матерей от покойника и казалось, что вернули мероприятие в привычное русло, и присутствующие облегченно вздохнули. Но рано они обрадовались.

Когда подошло время нести покойника на кладбище, все три дочери пластом постелились на табут (*погребальные носилки*), не давая поднять его на плечи и вынести со двора. Внуки и правнуки, сколько ни старались, не смогли их оторвать от покойника. Срывался график траурного мероприятия, поэтому, не выдержав, мулла Байрам громко пригрозил им:

– Если вы так сильно любите своего покойного отца, так ложитесь рядом с ним в табут – и похороним вместе с отцом!

Предупреждение возымело свое действие: ни одна из дочерей не захотела быть похороненной вместе с отцом, как бы глубоко они его ни любили. Вытирая опухшие глаза и поправляя подолы длинных черных туманов, сестры отошли от табута.

Табут с телом покойного приподнимали три раза, затем опускали на землю. По дороге в дубовую рощу внуки и правнуки так высоко держали табут, что кто-то из похоронной процессии даже подшутил:

– Если Аллаверди-баба захочет дотянуть до ста и решится в последний момент выпрыгнуть из табута, он точно себе руки и ноги сломает, как в молодые годы.

– Ему к переломам не привыкать, – ответил другой.

Аллаверди-баба, естественно, не слышал реплик земляков, он спал вечным сном и не захотел жить до ста, поэтому был похоронен с целыми ногами и руками, без травм.

Вообще-то похоронная процессия напоминала толпу футбольных болельщиков, только что вышедших со стадиона после выигранного матча любимой команды. По дороге в дубовую рощу обсуждалось всё – всё, кроме смерти Аллаверди-бабы. Никто его не жалел. Шедший впереди похоронной процессии мулла Байрам всё торопил несших табут, часто показывая на часы.

Похоронили Аллаверди-бабу недалеко от Абид-муаллима. Став ближе к краю могилы, мулла Байрам читал молитву «Ясин». После этого покойного опустили в могилу и уложили на правый бок лицом в сторону Мекки. Мулла Байрам прочел молитву «Телгин», объяснил покойному Аллаверди-бабе (если конечно, покойники слушают мулла перед погребением), как правильнее отвечать на вопросы могильных ангелов Инкира и Минкира. Оказывается, Инкир и Минкир ужасно не любят, когда покойник не отвечает или неправильно отвечает на их вопросы, и страшно за это мучают его.

Убедившись в том, что покойный подготовлен достойно, мулла Байрам отошел в сторону и дал знать, что пора действовать. Быстро могилу засыпали землей, предварительно закрыв ее каменными плитами. По знаку муллы Байрама присутствующие произнесли «Фатихе», сам мулла Байрам прочел суру из Корана «Алейхим». На этом завершили поминальную службу в дубовой роще, и участники похорон весело вернулись в дом усопшего, где по нему справлялись поминки.

К удивлению зогаллинцев, сами поминки по Аллаверди-бабе прошли тихо, но почему-то никто из присутствующих не захотел сказать добрые слова об усопшем, что само собой разумеется на таких мероприятиях. Не выдержал мулла Байрам:

– Ну что вы молчите? Неужели никто не скажет хоть одного доброго слова о покойном Аллаверди-бабе?

Все молчали, смотрели друг на друга. Тут местный цирюльник поднялся и сказал:

– Аллаверди бабу было так легко брить. У него была хорошая, мягкая кожа, мало у кого в Зогаллы такая кожа, – сказал он и присел.

***

С похорон Аллаверди-бабы Кара-дайы вернулся с испорченным настроением. Впрочем, было бы нелогично, если бы он вернулся оттуда в приподнятом настроении. К тому же всю дорогу к нему приставал шайтан, на каждом шагу напоминая ему, что недалек день, когда точно так же его проводят в последний путь. На сегодняшних похоронах Кара-дайы больше всего поразило безразличие односельчан к смерти Аллаверди-бабы. Кроме трех истеричных дочерей, больше никто не убивался, никто не горевал, было ощущение, будто зогаллинцы только и ждали этого дня, когда умрет Аллаверди-баба.

– А ты как думал? – подсказывал тем временем шайтан. – Точно так же похоронят тебя, с шутками и прибаутками. Ничего, Кара, готовься!

Пить спиртное в день похорон в Зогаллы не принято. Но у Кара-дайы не было выхода, ситуация была критическая: еще немного, и шайтан добил бы его. Войдя во двор, первым делом Кара-дайы прошел в кухню, незаметно для жены взял с полки свою стопку и положил ее в карман. Кстати, пора описать и его знаменитую стопку, многолетнюю соратницу Кара-дайы в деле ликвидации, как он любит выражаться, «его злейшего врага» – домашней водки. Потому как лично я с первого дня нашего знакомства, точнее, с первого нашего застолья обратил внимание на эту коротышку. Еще тогда я успел заметить различие в наших емкостях, куда наливалась та домаш-

няя жидкость, которая из года в год летом и осенью изготавливалась Кара-дайы, а потом в течение года им же в компании приятных и близких ему людей «ликвидировалась». Так вот, эта соратница, я имею в виду стопку, внешне где-то даже была похожа на хозяина – такая же крепышка, но невысокого роста. Была она из толстого стекла, с едва различимыми гранями. Я даже подозреваю, что грани стопки стерлись от частого, почти ежедневного объятия ее грубыми ладонями Кара-дайы. Была она вместимостью не более семидесяти-восьмидесяти граммов. Но Кара-дайы когда пьет, он ее никогда не заполняет до краев, всегда наливает ниже середины стопки. Таким образом, получается, что Кара-дайы, когда пьет, то наливает себе не более тридцати граммов домашней водки.

Одним словом, взяв стопку, Кара-дайы направился в скотный сарай, к тайнику, где у него хранилась водка. До последнего шайтан не отставал от него:

– Испугался, да, Кара? – спросил он у Кара-дайы, когда он достал бутылку из тайника.

– Сейчас я тебе покажу, кто испугался, – ответил Кара-дайы и налил водки в стопку.

После второй стопки шайтан замолк. Перед третьей стопкой к Кара-дайы вернулась былая жизненная уверенность, он даже шайтану предложил пить с ним:

– Будешь? – спросил Кара-дайы у него и, не дождавшись ответа, сам же ее опрокинул.

Внутри всё горело, три стопки водки разбудили у Кара-дайы такой аппетит, что он только сейчас вспомнил, что сегодня ничего не ел. Кара-дайы поспешил в кухню, но прежде он закрыл двери скотного сарая и издевательски предложил шайтану:

– Пойдем поужинаем! Я приглашаю. Ты тоже сегодня ничего не ел. Целый день ходишь за мной. Жена хороший фасолевым суп приготовила.

Шайтан не отвечал. Он исчез.

***

Зогаллинцы были уверены, что Аллаверди-баба обязательно попадет в рай, тем более, что мулла Байрам уверял всех, что «Телгин» он читал без ошибок. Об этом шла речь на поминках и на третий день, и и на седьмой. Предсказать, куда попал умерший недавно Абид-муаллим, никто не решался, ибо, по словам зогаллинцев, «за ним числилось немало грехов».

– Как, впрочем, за каждым из нас, – тут же добавляли зогаллинцы.

Жить бы зогаллинцам и дальше в таком глубоком неведении, не будь очередного случая. А случай этот произошел ровно через десять дней после похорон Аллаверди-бабы. Взобравшись у себя во дворе, в обед, в присутствии жены и нескольких соседей, которые внизу держали лестницу, на шестиметровый электрический столб, электрик Ибрагим в очередной раз перепутал фазу с нулем.

На этот раз удар был настолько сильным, что он, как созревшая груша (выражение зогаллинцев), упал с вершины лестницы. Внизу, на земле он моментально потемнел и, как позже выяснилось, перенес клиническую смерть. Кто-то из соседей подсказал закопать его в землю – якобы, таким образом электрический заряд уходит от пораженного током человека в землю и будто бы не одного электрика в мире таким способом спасли.

– Далеко ходить не надо, мугала-электрика из соседней деревни дважды закарывали, – кричал он, хватаясь за лопату. Так он убеждал остальных соседей, которые никак не решались закопать пока еще живого Ибрагима.

Одним словом, тут же, на грядках молодого лука, оперативно была выкопана небольшая яма. Соседи опустили Фазу Ибрагима в яму и по шею закопали в землю. Всё это происходило на глазах у изумленных детей и сопровождалось криками жены.

Каково же было удивление присутствующих, когда через пять минут постепенно темнота стала сходиться с лица Фазы Ибрагима, и еще через десять минут он открыл глаза и произнес:

– Анас-сыны, неужели вернулся? – выругался он и глубоко вздохнул.

– Куда бы ты делся? – ответил сосед, инициатор закапывания. – Если что, закопали бы чуть глубже и делу конец!

Под смех остальных и радостные вопли детей Ибрагима быстро раскопали и бережно достали из ямы, будто космонавта вынимали из спускаемого космического аппарата. На земле Ибрагим первым делом отчитал соседей за то, что те закопали его на грядках молодого лука. Указав рукой в сторону фундукового сада, он сказал:

– Надо было закопать в фундуковом саду, там земля свежее будет. Тут навозом пахнет, – не далее как два месяца назад он лично эту почву обильно удобрил навозом под лук.

– Если на то пошло, свежее, чем в дубовой роще, в Зогаллы земли не найти, – отшутился тот же сосед, и Ибрагима занесли в дом, потому что сколько он ни старался встать на ноги, они его не слушались.

Через час все в Зогаллы только и судачили о том, как Фазу Ибрагима ударило током, как он упал со столба и каким способом его «вернули с того света».

Первым делом повидаться с ним и проведать его прибежали соседи и близкие родственники. К вечеру количество желающих проведать Ибрагима сильно возросло. Потому что «вернувшийся с того света» Ибрагим рассказывал о «том свете» такие вещи, что обескураженные зогаллинцы спешили узнать подробности от первоисточника.

Поздно вечером слухи дошли и до Кара-дайы, и он, несмотря на дождь и поздний час, немедля направился в дом Ибрагима.

Когда Кара-дайы заходил во двор Ибрагима, расходились последние проведывающие больного. По их словам, к вечеру у Ибрагима резко поднялась температура, держалась с полчаса, потом так же резко упала.

– Как напряжение в сети, – образно выразился один из проведывающих.

После перепада температуры Ибрагим перестал рассказывать о «том свете», откуда он «вернулся».

– Видимо, предохранитель сгорел, – добавил этот же проведывающий, продолжая шутить.

Другие проведывающие объясняли молчание Ибрагима наступлением темноты, потому как, по их словам, по вечерам и ночью о «том свете» рассказывать нехорошо.

– Сейчас он себя чувствует хорошо, но молчит! – передали Кара-дайы недвольные уходящие проведывающие. Они были несколько обижены тем, что именно на них Ибрагим прервал свой рассказ.

– С утра заговорит, наверно! – с надеждой добавили они.

Кара-дайы покачал головой в знак понимания, но вернуться назад при этом даже не подумал и решительно направился в дом Ибрагима.

Войдя в дом, Кара-дайы увидел идиллическую картину, в которую вылилась неопишуемая радость детей Ибрагима: один из них расчесывал ему волосы, а двое других, сидя на кровати с разных сторон и держа в руках обожженные руки отца, массировали его пальцы. Жена Ибрагима виноградной водкой растирала мужу ноги.

Заметив входящего без стука Кара-дайы, жена Ибрагима покраснела, закрыла голые ступни мужа одеялом и встала:

– С добром пожаловали, Кара-дайы!

– Спасибо, дочка, спасибо, – ответил Кара-дайы и издали пожурил Ибрагима.

– Сколько лет работаешь, пора бы научиться отличать друг от друга эти провода!

Молчавший весь вечер Ибрагим заговорил:

– Только дотронулся, да так шаррахнуло!

Засмеялись дети, улыбнулась жена Ибрагима, радуясь, что муж опять начал говорить и побежала за табуретом для Кара-дайы.

– Фазой, наверно? – пошутил Кара-дайы, присаживаясь на табурет, поднесенный женой Ибрагима.

– А чем еще? – поддержал шутку Кара-дайы Ибрагим.

– Ой, Кара-дайы, как хорошо, что вы пришли. А то молчал он последний час, а я не знала, что и думать, – поблагодарила таким образом жена Ибрагима Кара-дайы. – Я сейчас чай приготовлю.

Дети отпустили руки отца и с интересом смотрели на Кара-дайы – видно, первый раз видели его так близко.

– Ну, расскажи, – не стал тянуть Кара-дайы, – кого ты там видел?

Ибрагим сразу догадался, что Кара-дайы в курсе его приключений на «том свете».

– А что рассказать-то? – скромничал Ибрагим.

– Всё! Всё расскажи! С кем виделся, что говорили они тебе? Всё и подробно!

– Страшно как-то, Кара-дайы. Как в кино. Целую неделю не было ведь электричества в деревне. Вот я и поднялся, уверенный, что нет света, голыми руками как схватил, в этот момент, видимо, и дали свет. Как шарахнуло, не помню, как сорвался и как упал на землю, ничего не помню.

– Как ты сорвался и как упал на землю, помнят другие. Не первый раз падаешь. И мне это неинтересно. Ты лучше расскажи, что было дальше?

– Что было дальше? Дальше было как в сказке. Вижу, что меня по темному коридору куда-то ведут. Таких, как я, много, и всех ведут. Что интересно, все молча идут. Только я стараюсь вырваться. Кричать не могу, но ногами упираюсь, а эти все равно тянут меня. И старший их ходит по коридору и гоняет всех:

– Давайте быстрее, давайте быстрее!

Возле каких-то ворот старший, заметив, как я упираюсь, спросил у тех, которые меня вели:

– А этого куда ведете? – на меня показал.

– Как куда? Туда, куда и всех, на допрос к Инкиру с Минкиром.

А я начал всё больше сопротивляться. А старший посмотрел на меня и сказал этим:

– А разве не видите, что ему еще рано на допрос? Бросайте его, ведите другого. Ему еще рано.

Те моментально бросили меня, схватили другого и повели. И старший отвернулся. Опять начал кричать на всех:

– Давайте быстрее, давайте быстрее!

А я стоял в стороне, никто меня не замечал, мимо меня вели и вели людей. Одних вели мимо меня и мимо ворот – на допрос, а других возвращали – с допроса, видимо, открывали ворота и толкали туда.

Как их били, Кара-дайы, надо было видеть. Что интересно, всех толкали в одни ворота. Открывали ворота – и пинком под зад как дадут! Толкали туда и сразу же закрывали. Так быстро закрывали, чтобы те не вышли обратно.

А вторые ворота были открыты, многие рвались туда, но в те ворота никого не пускали, всех силой оттаскивали назад. Пока я стоял там, никого не пустили в открытые ворота.

– Узнал кого-нибудь?

– Ага, узнаешь. Народу полно, поди узнай. Нет, конечно, никого я не узнал! Все одинаковые на лицо, мрачные такие, особенно после допроса.

– И что дальше было?

– Не поверите, Кара-дайы. Вдруг из открытых ворот кто-то стал меня звать.

– Ибрагим, – кричал, – подойди сюда!

– И кто звал тебя? – Кара-дайы вспотел.

– Кто, кто? Посмотрел, глазам своим не поверил – так это же наш Кёроглу! Аллаверди-баба! Такой чистый, бритый, усы стоячие такие, будто проволока их держит. И звал меня к себе, энергично махал рукой:

– Подойди сюда, – говорил, – Ибрагим! Подойди поближе.

Я подошел. Вот не помню, поздоровались мы за руку или нет. Хоть убейте, не помню. А он у меня спрашивает:

– А ты что тут делаешь, Ибрагим?

Если бы я знал, что я там делаю. Взял и ему всё рассказал. Поднялся, говорю ему, на лестницу, на столб, что у меня во дворе, там, где молодой лук, там меня током и ударило. А больше ничего и не помню. А он покачал головой и спросил у меня:

– Ты хоть знаешь, куда ты попал, Ибрагим? Ты хоть знаешь, что это за ворота? Смотрю на него, и не понимаю, что за экзамен он устроил:

– Откуда мне знать, – отвечаю, – я первый раз тут.

Посмеялся, подтянул брюки, поправил рубашку, аккуратный, как всегда:

– Сейчас расскажу, узнаешь. Вот эти ворота, Ибрагим, – сказал мне Аллаверди-баба и указал на закрытые ворота, – это ворота в ад. А вот эти ворота, – на свои показал, – ворота в рай.

– Что-что, еще раз, Ибрагим, ничего не понял, – напрягся Кара-дайы.

– Что тут понимать-то. Показал свои ворота, похвастался, мол, знай, Ибрагим, я в раю.

– Добрался-таки! – сказал Кара-дайы и нервно сплюнул.

Возникла пауза, которую он же прервал:

– И как ему там?

– Скучно! Да, да, Кара-дайы, он сам мне признался:

– Скучно мне тут, Ибрагим, – сказал он мне, – чтобы ты знал. Очень скучно. Никого из наших, зогаллинцев, нет тут со мной. Вроде, всё есть, ешь – не хочу, гуляй – не хочу! Но ни одной знакомой души. Ни одного зогаллинца!

А я, грешным делом, еще спросил у Аллаверди-бабы:

– Так а где же наши тогда? Столько хороним, и мулла Байрам, вроде, научился читать.

А он дрогнувшим голосом ответил:

– Вот там все наши, – и показал на ворота ада. – Все до единого. Не знаю, как мулла Байрам читает, но наших всех туда направляют. А тут только я. Мне одному тут очень скучно! – повторил он.

Кара-дайы снял с головы кепку, вытер вспотевший лоб и прошептал:

– А Абид-муаллим? Ты его не видел?

– Кого не видел, того не видел! – вздохнул Ибрагим. – Я еще у Аллаверди-бабы интересовался, куда Абид-муаллима распределили? А он только пожал плечами:

– И тут, в раю, его нет, и там, в аду, тоже не видно! Его, наверно, еще допрашивают.

– Неизвестно, кто кого допрашивает, – зло посмеялся Кара-дайы. – С Абид-муаллимом они еще долго помучаются.

– А я о чем, – покорно согласился Ибрагим. – Абид-муаллим так быстро не сдастся. Он их замучает.

– А что, во всем раю из наших только один Аллаверди, что ли? – вернулся Кара-дайы к Аллаверди-бабе.

– Ну да, – бодро ответил Ибрагим. – Из наших он один. Остальные не наши.

– Как остальные? Ты же говоришь, что никого там больше нет.

– Как нет, есть! Кара-дайы, даже язык не поворачивается сказать. Я никому еще не говорил, но вам скажу. Остальные все – мугалы! Вот так вот!

– Что получается? На весь рай из Зогаллы один человек? – Кара-дайы возмутился столь несправедливым распределением зогаллинцев после смерти.

– Может, Абид-муаллим еще прорвется, – неуверенно сказал Ибрагим.

– Прорвется?.. – задумался Кара-дайы. – Ага, жди. Это тебе не баню в деревне строить... А ты смотри, этого усатого прямиком туда. За какие, интересно, заслуги? То, что он в молодости издевался над ребенком-сиротой – забыли, да?

Ибрагим, как и все зогаллинцы, знал о натянутых отношениях между Кара-дайы и Аллаверди-бабой при жизни последнего, он также знал причину этих отношений. Поэтому ему пришлось поддержать в этом вопросе Кара-дайы, согласиться с ним:

– Столько лет прошло. Может, действительно забыли.

– Чудны дела Всевышнего, – проговорил Кара-дайы. – Издевательства молодого садиста над малолетним ребенком забываются, а то, что человек у себя дома тихо и мирно, с хорошим настроением и мирными намерениями попивает напитки собственного изготовления – не забывается. Если, конечно, верить мулле Байраму.

– Вот именно, – согласился с Кара-дайы Ибрагим, потому как он тоже был заядлым любителем этих напитков. – С вечера жена виноградной водкой растирает ноги, чтоб полегчало. Отец твой рахматлик, говорю я ей, если хочешь, чтобы мне полегчало – дай граммов двести-триста приму вовнутрь, и сразу полегчает и я приду в себя. Она – нет, нельзя тебе, говорит. А мне так и хочется взять, да и выпить хотя бы граммов сто! С другой стороны, я так боюсь, Кара-дайы! Я же видел, как их за-талкивали в ад!

– Хватит тебе! Что дальше было? – прервал его Кара-дайы.

– А что дальше? Яблоки райские ему не понравились. Он мне так и сказал:

– Ибрагим, – сказал он мне, – что-то яблоки мне здешние не понравились. Есть, конечно, наверняка можно, но я не пробовал, потому что на вид они никакие. Наши, зогаллинские, лучше выглядят.

– Так и сказал, да? – уточнил Кара-дайы.

– Да! – подтвердил Ибрагим.

– Вот человек, а! Ты сперва возьми, откуси и попробуй, сладкие, кислые – какие они? – возмущался Кара-дайы. – Только потом заявляй, хорошие они или нет...

– Да, действительно, – и тут согласился Ибрагим.

– Огурцы райские хоть понравились ему? – съехидничал Кара-дайы.

– Насчет огурцов ничего не сказал, – ответил Ибрагим.

– Хорошо, что дальше было?

– Что еще? Ну да, жаловался Аллаверди-баба, что ему одному скучно в раю. Ни одного зогаллинца, одни мугалы вокруг. Тут, конечно, я его понимаю, и мне тоже скучно было бы.

– А ты что ему?

– А я что? Успокаивал его. Потерпите, сказал, Аллаверди-баба, появятся скоро наши. Вон сколько достойных мужиков на подходе. Один Самед-дайы чего стоит. В последнее время часто болеет, между прочим, и возраст у него подходящий. И Кара-дайы тоже не маленький. Правда, пока еще держится. Он тоже не вечный. С удовольствием, наверно, согласился бы сюда, к вам в рай.

Кара-дайы слушал Ибрагима с открытым ртом, последние слова буквально убили его. До сих пор он не допускал, что его самого тоже с такой легкостью можно отправить на тот свет. Тут же появился шайтан, усмехнувшись, стал потирать руки.

Но Кара-дайы не хотел умирать, он не хотел никуда, ему и в этом мире хорошо жилось. С другой стороны, Кара-дайы не знал, как остановить Ибрагима. А того, видимо, замкнуло в очередной раз:

– Когда Аллаверди-баба услышал ваше имя, Кара-дайы, вы, конечно, меня извините, знаете, что он сказал?

– И что он сказал? – встрепенулся Кара-дайы.

– Если Самед придет, сказал он, будет неплохо. Я сам, сказал он, отворю ему ворота. А если, не дай Аллах, Кару определят сюда, я лично закрою ворота, чтоб он не мог зайти! Нельзя, сказал, чтобы этот алкоголик оказался тут. Он тут окончательно сопьется. Тут, сказал он, столько вина, всякого спиртного. Но никто не пьет, пьют только соки, чай, компоты и сладкие напитки!

– Если я попаду к нему, запомни, Ибрагим, возьму его за усы и через забор переброшу в ад! Чтобы он мне не указывал, что пить, а что нет!

В вопросах питья Ибрагим был солидарен с Кара-дайы – впрочем, как и большинство зогаллинцев того времени, поэтому тут же поддержал его:

– Я тоже так думаю, Кара-дайы! Какое твое дело, ай Аллаверди-баба, спрашивается, Кара-дайы взрослый человек, что захочет, то и выпьет.

– Ну хорошо, а что дальше-то было? Как ты назад вернулся?

– Старший, что ходил по коридору, увидев меня, как закричал:

– Ты еще здесь? – спросил он, – Тебе же сказали, что еще рано! А ну, давай обратно!

И Аллаверди-баба сказал мне: «Давай, Ибрагим, назад, а то запихают в ад».

– Запихают в ад, – опять съязвил Кара-дайы. – Видишь, Ибрагим, какой он? Сам сидит в раю, а тебя адом пугает. Нет, чтобы открыть ворота и впустить тебя. Что плохого ты ему сделал? Сколько раз ты ему электричество чинил. Забыл всё!

– И это правда, – согласился Ибрагим. – С другой стороны, хорошо, что не впустил. А то что было бы со мной? Да ну его. Хорошо, что я проснулся.

– То, что ты проснулся, это действительно хорошо. Но надо было у этого уса-того бесстыжого всё-таки спросить: «И что тебе плохого сделал Кара, что ты ему ворота закрываешь, а?»

– Не догадался, Кара-дайы, извините, – оправдывался Ибрагим.

– Всё-таки надо было, – повторил Кара-дайы. – Сейчас уже поздно, конечно. Ну, если еще раз занесет тебя туда, поинтересуйся, хорошо?

– Нет-нет, Кара-дайы! Лучше уж вы сами! Я больше туда не хочу. Вы раньше меня попадете туда, вот сами и спросите. Я молодой, мне еще рано.

– Никто не знает, кто раньше попадет туда, – моментально пробурчал Кара-дайы и задумался. Почесал затылок и, к изумлению детей, громко рассмеялся. Потом встал со стула, пожал руку Ибрагиму:

– Выздоровливай, Ибрагим! Да ниспошлет Аллах здоровье тебе.

– Спасибо, Кара-дайы! Спасибо, что нашли время и пришли навестить меня в такую погоду.

Ибрагим привстал и спросил у уходящего Кара-дайы:

– Может, старший проводит вас до дома, Кара-дайы? – показал на старшего сына. – Темно-то на улице, ничего не видно.

Кара-дайы обернулся и ответил:

– Конечно, темно. С таким электриком, как ты, другого и нельзя ждать. Вместо того, чтобы заниматься делом, шляешься, черт знает где!

***

На улице было действительно пугающе темно. Как назло, накануне в Зогаллы погас последний уличный фонарь. Иногда, когда давали электричество, этот высокий фонарь сообщал всем зогаллинцам: «Деревня жива, она не умерла, придет время, дай Аллах, я буду и днем гореть, и ночью. Днем – если, конечно, не отключите» – говорил фонарь.

«И днем отключим, и по ночам отключим! Не видать вам света! Будем держать зогаллинцев, как кротов в темноте», – отвечал ему шайтан.

Оказалось, что перегорела лампочка или шайтан привел её в негодность. Кто ее знает. Ибрагим после обеда собирался менять лампочку, но после случившегося с ним несчастья желающих лезть на столб в деревне не нашлось.

– Кому-то придется лезть на столб, – говорили старики в присутствии молодежи на стоянке возле правления бывшего колхоза, все молча отворачивались.

– Вот деревня! Кроме Ибрагима некому даже на столб лезть, – жаловались старики. – Дожили!

«Впредь зогаллинцам наверх путь закрыт! Я закрыл вам эту дорогу. Ибрагим пробовал и получил! Ныряйте вниз, в землю, в дубовую рощу! Кроты!» – издевался шайтан.

***

Последние слова Ибрагима заставили Кара-дайы задуматься. Всю дорогу он вертел головой и оглядывался, будто ждал чьего-то нападения. А тут еще и шайтан стал нашептывать ему:

– Напрасно крутишь головой, уважаемый аксакал. Ой, напрасно. Рано или поздно все будут там.

Подобные «успокаивающие» советы от шайтана, да еще на ночь глядя, перед сном, пугали Кара-дайы. То какой-то невидимый страх охватывал его, то какое-то блаженное успокоение приходило к нему:

– С одной стороны, бес-то прав. Не я первый, не я последний. С другой стороны... Нет, нет, еще не время.

Кара-дайы не помнит, как вошел во двор. Он тихо поднялся на веранду, так же тихо зашел в комнату, чтобы не разбудить жену, разделся и попытался заснуть под одеялом. Жена рядом сопела. Заснуть у Кара-дайы не получилось, поиски сна затянулись. Кара-дайы крутился в постели. Давно с ним такого не было. Через час ему показалось, что у него болит под левой грудью, и эта боль тянется дальше, вдоль ребер, до левой лопатки. Он положил руку на грудь и по стуку определил, что сердце работает медленнее обычного, что оно вот-вот остановится. После трехкратного глубокого выдоха Кара-дайы восстановил нормальную работу сердца. Он присел в постели и тихо сам у себя спросил:

– Неужели это конец?

Через несколько минут та же самая боль повторилась, на этот раз она отдала в шею. Что-что, а шея у него никогда не болела. Глубокие выдохи на этот раз не помогли. «Что делать, может жену разбудить?» – подумал Кара-дайы.

Шайтан неустанно наблюдал за ним.

– Будто он меня даже торопил, – вспоминает позже Кара-дайы. – «Давай, Кара, – говорил шайтан, – решился помирать, помирай, не тяни», – и смеялся.

Но Кара-дайы не хотел умирать. И вдруг (вдруг ли?) Кара-дайы вспомнил о тайнике на втором этаже, там, внизу, в шкафу, за телевизором. Как он мог забыть об этом? Вот оно, спасение! Какой-то паршивый шайтан мало того, что ему не дает спать, еще умирать заставляет. Он сейчас покажет этому шайтану. Всё покажет!

Кара-дайы не стал даже одеваться. Накинув на плечо старый пиджак, он вышел на веранду. Открыл хлебницу и отломил кусок тандирного хлеба, положил в карман пиджака, в другой карман он положил любимую стопку и только после этого медленно поднялся на второй этаж.

– Главное для меня было подняться и дойти. И всё. Потом я знал, что мне надо делать, – многозначительно говорит сегодня Кара-дайы, будто на втором этаже у него появились бы другие способы борьбы с шайтаном. Было понятно, что если Кара-дайы в ту ночь, взяв кусок хлеба, направлялся к бутылке с домашней водкой, то он не нюхать ее шел и, конечно же, не собирался этот напиток лить на голову шайтана.

– Я же на самом деле не пить собирался, хотя пришлось выпить, – скромно оправдывается сегодня Кара-дайы, которому я не верю. – Я собирался изгнать шайтана, добить его! Я устал от него!

Луна так ярко освещала комнату, будто она находилась не где-нибудь за тысячи километров, а рядом, над окном второго этажа. Кара-дайы без труда нашел тайник, засунул в него руку и достал маленькую бутылку. Он выпил подряд три стопки и при этом, как ни странно, каждый раз смеялся над шайтаном:

– Получай! Как ты ко мне, так и я к тебе! – говорил он, с каждым разом всё увереннее.

После трех стопок страх перед шайтаном улетучился, за страхом улетел и сам шайтан. После четвертой стопки исчезли боли в шее и под лопаткой. Сердце стало работать в привычном ритме.

Высокий градус тутового первача сразу дал о себе знать. Кара-дайы закрыл бутылку и поставил ее в тайник. Он почувствовал необыкновенную легкость. Рискуя упасть и переломать кости, Кара-дайы спустился, достал из кастрюли небольшой кусок брынзы, неспеша поел. Потом он достал еще один кусок, потом еще один. Запил холодной зогаллинской водой, и только после этого лег рядом с женой.

***

На следующий день Кара-дайы проснулся очень поздно, было около десяти часов утра. Кара-дайы неспеша оделся и вышел, при этом он долго искал левый носок, который никак не мог найти.

Носок он искал минут десять, не найдя, позвал жену. Еще десять минут прошло, пока жена появилась в комнате и подключилась к поиску носка. Носка не было. Искали везде, став на табурет, Кара-дайы осмотрел даже верх шифоньера. Только ближе к одиннадцати часам они прекратили поиски, жена Кара-дайы достала из сундука другую пару носков.

С парой новых носков Кара-дайы вышел на веранду. Сел на низкий табурет и задумался. Лучи солнца подняли ему настроение, и он улыбнулся. Земля продолжала с положенной скоростью крутиться вокруг Солнца, не забывая одновременно вращаться вокруг своей оси. Кара-дайы на каком-то витке начал надевать новые носки, но украденный носок не давал ему покоя. Еще через минут десять Кара-дайы догадался, что носок утащил шайтан, который спать ему не давал, которого позже он ночью выгнал с позором:

– Если тебе приглянулся мой заштопанный носок, забирай! Таких носков у меня полсундука! Лет на пятьдесят хватит, если будешь таскать по одному носку! Я сдаваться не собираюсь, так и знай!

***

И снился Кара-дайы через неделю сон, после которого он навесил на сундук массивный замок, который висит и сегодня.

– Приснился мне сон паршивый, что и говорить. Рассказать – и то противно! Будь он проклят, этот шайтан, точно хотел довести меня до смерти, – позже рассказывал мне Кара-дайы свой сон, и было заметно, что он тогда порядком испугался. – Будто как-то, проснувшись утром, я подхожу к сундуку и вижу, что он пуст. Ни одного носка! А он, этот шайтан проклятый, сидит на полу рядом с сундуком и улыбается:

– Ну что, Кара, на пятьдесят лет, говорил, хватит у тебя носков?

– Думал, хватит, – тихо ответил я.

– Как видишь, не хватило!

– Да, вижу. Не хватило.

– Собирайся, Кара, пойдём, раз не хватило! Без носков тебе нечего делать на этом свете! Простудишься, – говорит и предательски смеется.

– Никуда я с тобой не пойду! Я куплю себе новые носки, – хочу возразить я.

– Поздно, Кара, поздно, собирайся!

А в это время, не поверишь, заходит в комнату жена, а в подоле фартука у нее полно носков. Как самосвал разгружает песок, так и она, высыпает носки в сундук и бурчит:

– Разбросал на всю веранду, чтоб он сдох, шайтан твой! За полчаса еле собрала.

А шайтан, как увидел, что носки собраны обратно в сундук, недовольно покрутил хвостом:

– Ничего, Кара, ничего, живи! Выручила тебя на этот раз жена! Благодарю ее и живи!

***

С того дня, по словам Кара-дайы, шайтан исчез из его жизни. Исчез он и из жизни всех зогаллинцев. Сон этот он рассказывает часто, каждый раз особо подчеркивая, благодаря кому шайтан его оставил. Но чтобы поблагодарить жену, хоть единжды в жизни сказать ей «спасибо» – такого я от него не слышал.

Вот так и живут они, Кара-дайы и его жена, без теплых слов и благодарностей друг другу несколько десятков лет вместе. И с каждым годом всё больше и больше грызутся и кусают друг друга, но покидать этот бранный мир они пока не собираются. Иногда, видя, с каким необузданным гневом и неконтролируемой агрессией Кара-дайы атакует свою жену, и с какой интенсивной ненавистью защищается его жена, я почему-то начинаю думать, что помрут они не своей смертью, как полагается зогаллинским долгожителям, в постели и в окружении близких. Будет эта смерть у кого-то из них обязательно насильственной. Но не проходит и десяти минут после очередной их ссоры, они, будто сговорившись, возвращаются в исходное положение, наступает временное перемирие, они начинают общаться и продолжают жить. Общаются и живут, пока кто-то из них не нарушит этот хрупкий семейный мир.

А потом всё по кругу. И так несколько раз в день. И так больше семидесяти лет.

***

Но, видит Аллах, если бы жена Кара-дайы в тот день вовремя не собрала носки, лежал бы, видимо, Кара-дайы сегодня в дубовой роще, в тени самого старого дуба, где покоится вся его родня «посохов». Мне почему-то кажется, что верховные правители после долгих совещаний всё-таки распределили бы его в рай, по прибытии в которой он первым делом взял бы за усы и перебросил бы Аллаверди-бабу через забор в ад, таким образом отомстив за непрошедшую за всю его длинную жизнь детскую обиду.